

Шекспир У. Генрих IV (Часть 2) filosofff.org  
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке  
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Уильям Шекспир Генрих IV (Часть вторая).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: Молва (Пролог).

Король Генрих IV. Генрих, принц Уэльский,

впоследствии король Генрих V

Томас, герцог Кларенс } его сыновья.

Джон, принц Ланкастерский

Хемфри, принц Глостер Граф Уорик

Граф Уэстморленд

Граф Серри } приверженцы короля.

Гауэр

Харкорт

Блент Верховный судья.

Помощник верховного судьи. Граф Нортемберленд

Ричард Скруп, архиепископ Йоркский

Лорд Маубрей } противники короля.

Лорд Хестингс

Лорд Бардольф

Сэр Джон Кольвиль Треверс

} приближенные Нортемберленда.

Мортон Сэр Джон Фальстаф.

Паж Фальстафа.

Бардольф.

Пистоль.

Пойнс.

Пето. Шеллоу

} деревенские судьи.

Сайленс Деви, слуга Шеллоу. Плесень

Тень

Бородавка } рекруты.

Мозгляк

Бычок Фенг

} помощники шерифа.

Снер Леди Нортемберленд.

Леди Перси.

Миссис Куикли, хозяйка трактира в Истчипе.

Долль Тершит.

Танцовщик (Эпилог). Лорды, свита, офицеры, солдаты,

привратник, полицейские, гонцы,

слуги, сторожа, конюхи и т. д. Место действия – Англия. ПРОЛОГ Уоркуорт.

Перед замком Нортемберленда.

Входит Молва в одежде, сплошь разрисованной языками. Молва Внимайте все.

Кто зажимает уши,

когда гремит Молвы громовый голос?

Я к западу понурому с востока

На ветре мчусь, как на коне почтовом,

И разглашаю обо всех деяньях,

Готовых совершиться на земле.

На языках моих трепещет ложь:

Ее кричу на всех людских наречьях,

Слух наполняя вздорными вестями.

Про мир толкую, а меж тем вражда

С улыбкой кроткой втайне мир терзает.

И кто, как не Молва, кто, как не я,

Велит собрать войска для обороны,

Когда утроба времени чревата

иной бедой, а не войной свирепой,

как думается вам? Молва – труба;

В нее дудят догадки, подозренья

И зависть; так легко в нее трубить,

что даже страшный многоглавый зверь

изменчивая, бурная толпа

на ней играет. Но зачем я стану

здесь разбирать по косточкам себя?

Я мчусь пред королем, победу славя,

что на кровавом поле шрусберийском

он одержал над Хотспером младым,

огонь восстанья дерзкого залил

повстанцев кровью. Почему, однако,

Я вздумала сказать вам сразу правду?  
Должна я раструбить, что Гарри Монмут  
Пал от меча прославленного Перси  
И что сраженный Дугласом король  
Склонился гордой головой пред смертью.  
Я разгласила это по селеньям  
От царственного поля Шрусбери  
До ветхих стен, источенных червями,  
Где Хотспера отец Нортемберленд  
Лежит в притворной хвори. Мчатся к замку  
Усталые гонцы и все приносят  
Лишь вести, что слышали от меня,  
Из лживых уст Молвы рассказ отрадней,  
Что много хуже правды беспощадней.  
(Уходит.) АКТ I СЦЕНА 1 Там же.  
Входит лорд Бардольф. Лорд Бардольф Эй! Кто ворота стережет? Где граф?  
Привратник отворяет ворота. Привратник Как графу доложить о вас? Лорд  
Бардольф Скажи:  
Лорд Бардольф ожидает здесь его. Привратник Их милость прогуляться в сад  
пошли.  
Благоволите постучать в ворота,  
И граф ответит лично вам. Входит Нортемберленд. Лорд Бардольф Вот он.  
Привратник уходит. Нортемберленд Что скажете, лорд Бардольф? Каждый миг  
Кровавые события порождает.  
Година смут! Раздор, как борзый конь,  
Раскормленный, порвал узду и бурно  
Несется вскачь, все на пути круша. Лорд Бардольф Граф благородный, я из  
Шрусбери  
Известья верные привез. Нортемберленд Дай бог  
Вестей хороших! Лорд Бардольф Лучших не бывает.  
Король едва ли не смертельно ранен;  
Убит на месте вашим храбрым сыном  
Принц Гарри; оба Блента сражены  
Рукою Дугласа, принц юный Джон  
Бежал со Стаффордом и Уэстморлендом;  
А боров Гарри Монмута – сэра Джон  
Взят лордом Перси в плен. Такой победой,  
Такой борьбой, деяньями такими  
Еще не украшались времена  
С дней Цезаря. Нортемберленд Откуда эти вести?  
Вы были в Шрусбери? На поле битвы? Лорд Бардольф Я говорил с приехавшим  
оттуда  
Почтенным, родовитым дворянином.  
Ручался он за правду слов своих. Нортемберленд А вот и Треверс, мой слуга;  
во вторник  
За новостями я его отправил. Входит Треверс. Лорд Бардольф Милорд, я  
обогнал его в дороге,  
И знает он не более того,  
Что от меня ему пришлось услышать. Нортемберленд Ну, Треверс, чем порадуешь  
ты нас? Треверс Милорд, меня с пути вернул назад  
С хорошей вестью сэра Джон Эмфревиль.  
Он обскакал меня, затем что конь  
Под ним резвее был. Но вот я вижу:  
Другой несется всадник вслед за ним  
Во весь опор, измученный; коня  
Остановил, чтоб дать ему вздохнуть  
И у меня узнать дорогу в Честер.  
Спросил я о вестях из Шрусбери.  
Ответил он, что сломлено восстанье  
И шпора Перси юного остыла.  
Тут, опустив поводья и нагнувшись,  
До половины шпоры он вонзил  
В дрожавшие бока несчастной твари  
И вскачь ее пустил, не дожидаясь  
Моих расспросов, словно пожирая  
Пространство. Нортемберленд Что такое? Повтори!  
Сказал он, что остыла шпора Перси?  
Он из Горячей шпоры стал Холодной?  
Восстанье сломлено? Лорд Бардольф Милорд, поверьте:  
Когда ваш сын не одержал победы,  
Готов отдать я все свои владенья

За шелковый шнурок, – клянусь в том честию;  
И не о чем тут больше толковать. Нортемберленд Но почему тот встречный  
дворянин  
О поражение сообщил? Лорд Бардольф Но кто он?  
То, верно, был какой-то проходимец,  
Что на коне ворованном скакал;  
Сказал он наобум. Вот новый вестник. Входит Мортон. Нортемберленд Его лицо,  
как лист заглавный книги,  
Трагическую повесть предвещает;  
Так берег выглядит, когда оставил  
На нем следы набег мятежных волн.  
Скажи мне, Мортон, ты из Шрусбери? Мортон Из Шрусбери бежал я, славный  
лорд,  
Где маску грозную надела смерть,  
Чтоб наших утратить. Нортемберленд А что же сын мой?  
И брат? Ты весь дрожишь, и бледность щек  
Скорее, чем язык, про все расскажет.  
Такой же вестник, слабый, павший духом,  
Смертельно бледный, сломленный печалью,  
Во тьме ночной отдернул полог ложа  
Царя Приама, чтоб ему поведать,  
Что в пламени пол-Трои; но Приам  
Огонь увидел прежде слов гонца.  
Так я – смерть Перси раньше, чем ты молвил.  
Ты скажешь: "Сын ваш то свершил и это,  
Так бился брат ваш, так достойный Дуглас",  
Хвалами жадный слух мой оглушая;  
Потом, чтоб оглушить меня совсем,  
Прервешь единым вздохом похвалы,  
Сказав: "Ваш брат, и сын, и все убиты". Мортон Нет, Дуглас жив, и жив наш  
брат покамест,  
Но, что до сына вашего... Нортемберленд Он мертв!  
Ты видишь, как догадлива тревога.  
Кто услышать боится весть дурную,  
Чутьем в глазах другого прочитает,  
Что совершилось то, чего страшился.  
Все ж, Мортон, говори; скажи, что граф твой  
Предчувствием обманут, – и желанной  
Ошибке я порадуюсь и щедро  
Тебя за ту обиду награжу. Мортон Вы слишком высоки, чтоб вам перечить:  
Ваш страх не без причин, вы не ошиблись. Нортемберленд И все ж не говори,  
что Перси мертв.  
В твоих глазах признание читаю.  
Ты головой качаешь, словно правду  
Сказать грешно иль страшно. Коль убит он,  
Скажи; не оскорбит меня язык,  
Который сообщит про смерть его.  
Грех оболгать умершего; не грех  
Сказать, что нет в живых того, кто умер.  
Однако приносить дурные вести  
Неблагодарный долг, и речь гонца  
Как погребальный колокол звучит,  
Нам возвещающий кончину друга. Лорд Бардольф Не верится, милорд, что сын  
ваш мертв. Мортон Мне горько, что я должен убедить  
Вас в том, чего бы не хотелось видеть.  
Но видел сам я: Хотспер, весь в крови,  
Усталый, тяжело дыша, с трудом  
Удары принца Гарри отражал,  
Чей натиск яростный его повергнул,  
Досель никем не сломленного, наземь,  
Откуда не поднялся он живым.  
Скажу я кратко: смерть того, чей дух  
Последних трусов зажигал отвагой,  
Едва о ней распространилась весть,  
Пыл отняла у самых закаленных;  
Его огонь в сталь наших превращал;  
Когда ж его померкло пламя, все  
В свинец тупой, тяжелый обратились.  
И как тяжеловесные предметы,  
Когда их бросят, с быстротой летят,  
Так наше войско с тяжким горем в сердце

Такую легкость в страхе обрело,  
Что с поля ринулось, ища спасенья,  
Быстрее летящих к цели стрел. Тогда  
Был слишком рано в плен захвачен Вустер,  
А разъяренный, кровожадный Дуглас,  
Чей грозный меч три раза убивал  
Подобье короля, утратил храбрость  
И, к беглецам примкнув, их стыд украсил.  
Во время бегства, оступившись в страхе,  
Он взят был в плен. Король в конечном счете  
Победу одержал и против вас  
Направил спешно войско с принцем Джоном  
И Уэстморлендом. Вот и все известья. Нортемберленд довольно будет времени  
для скорби.  
Лекарством служит яд. Будь я здоров,  
От этой вести я бы захворал;  
Больного же, она меня целит.  
И как бедняга, сломленный горячкой,  
Чьи ноги подгибаются, как прутья,  
Под ношей жизни, вдруг в бреду, как пламя,  
Из рук сиделки рвется, - так и я,  
От мук ослабнув, в муках нахожу  
Тройную силу! Прочь, костыль презренный!  
Чешуйчатой перчаткою стальной  
Одену руку! Прочь, колпак больного,  
Защита слабая для головы,  
Которая теперь мишенью служит  
Остервенелым от победы принцам!  
Железом увенчайте мне чело,  
И пусть нагрянет самый грозный час,  
Какой обрушат время и вражда  
На разъяренного Нортемберленда!  
Пускай целуют землю небеса!  
Пускай рука природы даст простор  
Морским волнам! Порядок пусть погибнет!  
И пусть не будет больше мир ареной  
Для медленно возрастающей вражды.  
Но пусть дух Каина в сердца вселится:  
Тогда все ринутся в кровавый бой,  
Придет конец трагедии ужасной  
И похоронит сумрак мертвецов. Треверс Вам вредно горячиться так, милорд.  
Лорд Бардольф Не порывайте, граф, с благоразумьем. Мортон Жизнь ваших всех  
приверженцев зависит  
От вашего здоровья: предаваясь  
Безумной скорби, сгубите себя.  
Милорд, вы, прежде чем сказать: "К оружию!"  
Все взвесили превратности войны  
И все случайности. Вы допускали,  
Что сына мог сразить удар смертельный;  
Вы знали, что шагает он над бездной  
И что легко ему сорваться вниз;  
Известно было вам, что тело сына  
Доступно ранам, что отважный дух  
Помчит его в кипенье битвы, - все же  
Сказали вы: "Ступай!" - и не смогли  
Поколебать все эти опасенья  
Решенье твердое. Так что ж случилось?  
Иль принесло восстанье что-нибудь,  
чего бы не могли предвидеть вы? Лорд Бардольф Мы все, страдающие с вами  
знали,  
что в бурные пускаемся моря,  
Где шансов больше в десять раз, что мы  
Погибнем все, - и все же мы решились,  
желанных ради благ пренебрегая  
Опасностью, грозившей нам. Мы смяты,  
Но вновь дерзнем, рискнув добром и жизнью. Мортон Да, самая пора! Мой  
славный лорд,  
я слышал (достоверен этот слух),  
что уж собрал архиепископ Йоркский  
прекрасно снаряженные войска.  
И этот пастырь узами двойными

Теперь связал приверженцев своих.

Вел за собой ваш сын тела – лишь тени,

Подобия людей, – затем что слово

"Восстанье" разделило дух и тело;

Они дрались насильно, против воли,

Как пьет больной микстуру, и казалось,

На нашей стороне лишь их мечи;

Но, что до их ума и сердца, слово

"Восстанье" их совсем заледенило,

Как рыбу в озере мороз. Теперь же

Архиепископ освятил мятеж:

Святым и праведным его считают,

И увлекает он и дух и тело.

Он кровью Ричарда кропит повстанцев,

Соскобленную с помфретских камней;

Придал он распре вид небесной кары;

Твердит, что ходит по земле кровавой,

Стенающей под гнетом Болингброка,

И стар и млад идут за ним толпой. Нортемберленд я знал об этом, но, сказать по правде,

Из памяти все вытеснило горе.

Пойдемте и обсудим сообща

Пути отмщенья, средства обороны.

Пошлем гонцов, – друзья прийти должны.

Как мало их и как они нужны! Уходят. СЦЕНА 2 Лондон. Улица.

Входит сэр Джон Фальстаф в сопровождении пажа, который

несет его меч и щит. Фальстаф Ну, великан, что сказал доктор про мою мочу?

Паж Он сказал, сэр, что моча сама по себе хорошая, здоровая моча, но что до ее владельца, то ему и невдомек, сколько в нем сидит разных болезней.

Фальстаф Всякого рода люди за честь почитают позубоскалить на мой счет.

Мозг человека – этого плохо слепленного комка глины – неспособен выдумать

ничего смешного, кроме того, что выдумал я или что выдуманно на мой счет. Я

не только сам остроумен, но и пробуждаю остроумие в других. Вот я сейчас

иду перед тобой, похожий на свинью, которая сожрала всех своих поросят,

кроме одного. Или я ничего не понимаю, или принц дал мне тебя в слуги

только для того, чтобы рядом с тобой я казался еще тучнее. Ах ты, поганый

корешок мандрагоры! Тебе больше пристало бы торчать у меня на шляпе, чем

таскаться за мной по пятам. Никогда в жизни не прислуживал мне человек

ростом с агат на перстне. Но я оправлю тебя не в золото и не в серебро, а в

самую дрянную одежду и отошлю тебя назад, под видом драгоценного камня,

твою господину драгоценному принцу, у которого пух еще не вырос на

подбородке. Скорее у меня вырастет борода на ладони, чем у него на лице, –

а он еще утверждает, что у него королевский вид. Когда-нибудь, вероятно,

господь его доделает, но до сих пор у него нет ни одного лишнего волоска, и

все сходство его с королевским лицом на монетах только в том, что цирюльник

не заработает на нем и шести пенсов. А все же он петушится, словно уже

тогда считался мужчиной, когда отец его был еще холостяком. Он может быть

самого высокого мнения о своей особе, но в моих глазах он здорово упал, да

будет ему это известно. – Ну, что же сказал мистер Домблдон насчет атласа

мне на епанчу и на шаровары? Паж Он сказал, сэр, что вы должны достать себе

поручителя получше, чем Бардольф. Он не хочет принять ни вашу, ни его

расписку: ему мало такого обеспечения. Фальстаф Чтоб ему угодить в ад, как

богачу в притче! Чтоб у него язык присох к гортани! Ах ты, проклятый

Ахитофель! Ах ты, окаянный "будьте любезны"! Водить джентльмена за нос

обещаниями – и вдруг потребовать обеспечения? Эти сладкоречивые мерзавцы

ходят теперь не иначе как в высоких сапогах и со связкой ключей у пояса, а

когда человек хочет честно взять у них товар в долг, они требуют

обеспечения! Я скорей позволю набить себе рот крысиным ядом, чем проглочу

это поганое слово "обеспечение"! Я ждал, что он пришлет мне, как

благородному рыцарю, двадцать два ярда атласа, а он мне: "обеспечение"! Да,

уж ему-то обеспечен спокойный сон, потому что у него на лбу – рог изобилия,

сквозь который просвечивает распутство его жены. А он того не видит, хоть у

него и есть собственный фонарь. – Но где же это Бардольф? Паж Он отправился

в Смитфилд покупать для вашей милости коня. Фальстаф Я купил его самого в

соборе святого Павла, а он купит мне коня в Смитфилде. Если я еще добуду

жену в публичном доме, у меня будет славный слуга, славный конь и славная

жена. Входит Верховный судья с помощником. Паж Сэр, вот идет джентльмен,

который посадил принца под арест за то, что тот ударил его из-за Бардольфа.

Фальстаф Уйдем скорей, я не хочу с ним встречаться. Верховный судья Кто это

там уходит? Помощник Фальстаф, с разрешения вашей милости. Верховный судья

Это тот, что обвинялся в грабеже? Помощник Тот самый, милорд; но с тех пор

он отличился под Шрусбери и теперь, как я слышал, отправляется с каким-то поручением к принцу Джону Ланкастерскому. Верховный судья Как, в Йорк? Верните его. Помощник Сэр Джон Фальстаф! Фальстаф Мальчик, скажи ему, что я глух. Паж Говорите громче: хозяин мой глуховат. Верховный судья Я не сомневаюсь, что он глух ко всему хорошему. Пойдите троньте его за локоть: мне надо с ним поговорить. Помощник Сэр Джон... Фальстаф Как? Такой молодой парень и просит милостыню? Разве теперь не военное время? Разве не найдется для тебя работы? Или королю не нужны верноподданные? А мятежники не нуждаются в солдатах? Хотя и срам быть на стороне врагов короля, но попрошайничать еще худший срам, чем быть на стороне самого худшего в мире мятежа. Помощник Вы ошиблись на мой счет, сэр. Фальстаф Как, сэр? Разве я сказал, что вы честный человек? Оставляя в стороне мою рыцарскую и воинскую честь, я солгал бы, если бы это сказал. Помощник Прошу вас, сэр, оставляя в стороне вашу рыцарскую и воинскую честь, разрешите мне сказать вам, что вы лжете, говоря, что я нечестный человек. Фальстаф Чтобы я позволил тебе это сказать? Чтобы я оставил в стороне то, что срослось со мной? Пусть меня повесят, если я тебе это позволю! А если ты себе это позволишь, то пусть тебя самого повесят! Прочь, паршивая ищейка! Проваливай! Помощник Сэр, милорд желает с вами поговорить. Верховный судья Сэр Джон Фальстаф, на два слова. Фальстаф Мой добрый лорд! Да пошлет господь всяких благ вашей милости! Я счастлив видеть вашу милость на прогулке. Я слышал, что вы, ваша милость, были больны. Надеюсь, что ваша милость вышли на прогулку по совету врача. Хотя вы, ваша милость, еще не переступили пределов молодости, но все-таки уже в зрелых годах и, так сказать, вкусили горечи лет; поэтому я почтительно прошу вашу милость заботиться о своем драгоценном здравье. Верховный судья Сэр Джон, я посылал за вами перед тем, как вы отправились в Шрусбери. Фальстаф С разрешения вашей милости, я слышал, что его величество изволил возвратиться из Уэльса несколько недовольный. Верховный судья Речь идет не о его величестве. Вы не пожелали явиться, когда я за вами посылал. Фальстаф И еще я слышал, что с его высочеством приключилась эта самая проклятая апоплексия. Верховный судья Пошли ему бог здоровья! А теперь позвольте мне поговорить с вами. Фальстаф Насколько я могу судить, апоплексия - это нечто вроде летаргии, с вашего разрешения, нечто вроде сонливости крови, какая-то окаянная чесотка. Верховный судья Зачем вы все это мне говорите? Оставьте апоплексию в покое. Фальстаф Источником ее бывает сильное горе, чрезмерные занятия и расстройство мозга. Я читал о причине ее появления у Галена: это род глухоты. Верховный судья По-видимому, вы страдаете этим недугом, ибо вы не слышите, что я вам говорю. Фальстаф Превосходно сказано, милорд, превосходно! Скорее, с разрешения вашей милости, я страдаю болезненным нежеланием слушать, недугом невнимания к тому, что мне говорят. Верховный судья Посадить бы вас в колодки, так вы живо бы исцелились от невнимания. Признаться, я охотно бы стал вашим врачом. Фальстаф Я беден, как Иов, милорд, но не так терпелив, как он. Ваша милость можете ввиду моей бедности прописать мне порцию тюремного заключения, но хватит ли у меня терпения выполнить ваши предписания - в этом мудрец может усомниться не на какой-нибудь грош, а на добрый червонец. Верховный судья Я посылал за вами, когда вам предъявили обвинение, грозившее вам смертью. Фальстаф А я не явился по совету одного законоведа, знатока сухопутного уложения. Верховный судья Дело в том, сэр Джон, что вы ведете распутный образ жизни. Фальстаф Всякий, кто пощеголял бы в моем поясе, не мог бы затянуться потуже. Верховный судья Средства ваши ничтожны, а траты огромны. Фальстаф Я предпочел бы, чтобы было наоборот: чтобы средства были огромны, а траты ничтожны. Верховный судья Вы совратили молодого принца с пути истинного. Фальстаф Молодой принц сам совратил меня: я был толстобрюхим слепцом, а он собакой-поводырем. Верховный судья Хорошо, я не намерен бередить только что зажившую рану. Ваши заслуги в день битвы при Шрусбери несколько загладили наши ночные подвиги в Гедсхиле. На ваше счастье, времена сейчас неблагоприятные, потому все так благополучно и сошло вам с рук. Фальстаф Милорд... Верховный судья Раз уж все улажено, то впредь ведите себя смирно - не будите спящего волка. Фальстаф Будить волка так же неприятно, как нюхать след лисицы. Верховный судья Вы похожи на свечу, большая часть которой уже сгорела. Фальстаф На пудовую сальную свечу, милорд; можно было бы сравнить меня и с восковой свечой, с тех пор как я войсковой начальник, Верховный судья Хотя бы седая борода устыдила этого повесу! Фальстаф Да, я всех превзошел по весу, по весу, по весу. Верховный судья Вы всюду следуете за молодым принцем, как его злой ангел. Фальстаф Не совсем так, милорд: дурной ангел легковесен, а уж про меня этого никак не скажешь. Однако хоть я и полновесная монета, надо признаться, я теперь не очень-то в ходу. Ничего не поделаешь! Добродетель так мало ценят в наш торгашеский век, что истинным храбрецам остается только водить медведей. Ум человеческий превратился в трактирщика и тратит

свою изобретательность на составление счетов. Все остальные дарования, присущие человеку, так заражены пороками нашего времени, что стали дешевле крыжовника. Вы уже старик и не понимаете, на что способны мы, молодежь. Вы судите о жаре нашей крови по горечи вашей желчи. А мы, находясь в авангарде молодежи, признаюсь, склонны иногда к сумасбродству. Верховный судья И вы причисляете себя к молодежи, когда старость наложила на вас свою неизгладимую печать? Разве у вас не слезятся глаза? Не сухие ладони? Не желтое лицо? Не седая борода? Не опавшие икры и не разбухший живот? Разве у вас не сиплый голос, не короткое дыхание, не двойной подбородок и не половинный ум? Все в вас одряхлело от старости, а вы еще смеете называть себя молодым? Стыдитесь, стыдитесь, сэра Джон! Фальстаф Милорд, я родился в три часа пополудни с белой головой и довольно-таки круглым животом. Что до моего голоса, то я потерял его от приветственных возгласов и пения церковных гимнов. Не стану приводить вам других доказательств моей молодости. Дело в том, что я стар только умом и рассудительностью; а если кто захочет побиться со мной об заклад на тысячу марок, кто из нас двоих лучше прыгает, пусть выкладывает денежки, и посмотрим, чья возьмет! Что до пощечины, которую закатил вам принц, то он дал ее как невежливый принц, а вы приняли ее как благоразумный лорд. Я пожурил его за это, и молодой лев кается – правда, не облачившись в рубище и не посыпав главу пеплом, а надев новый шелковый камзол и попивая старый херес. Верховный судья Пошли господь принцу лучшего приятеля! Фальстаф Пошли господь приятелю лучшего принца! Никак не могу от него отделаться. Верховный судья Впрочем, король разлучил вас с принцем Гарри. Я слышал, вас посылают с принцем Джоном Ланкастерским против архиепископа и графа Нортемберленда. Фальстаф Да, этим я обязан вашей несказанной любезности. Но прошу всех вас, остающихся дома в сладостных объятиях мира, – молитесь, чтобы армии наши встретились в не слишком жаркий день, потому что, клянусь господом, я беру с собой только две рубашки и вовсе не желаю слишком сильно потеть. Если день выдастся жаркий и я буду размахивать чем-нибудь другим, кроме бутылки, пусть мне никогда больше не плевать белой слюной! Не успеет завариться опасное дело, как меня тотчас же бросают туда. Но ведь я не бессмертен. Однако так уж у нас, англичан, исстари повелось: раз уж нам подвернется что-нибудь хорошее, мы обязательно это затрепем. Если, по-вашему, я старик, то меня следовало бы оставить в покое. Видит бог, я желал бы, чтобы мое имя не нагоняло такой страх на врага. Я предпочту быть изъеденным ржавчиной, чем быть изничтоженным от постоянного употребления. Верховный судья Ну, будьте честным человеком, будьте честным, и да благословит господь ваш поход. Фальстаф Не одолжит ли мне ваша милость тысячу фунтов на обмундирование? Верховный судья Ни одного пенни, ни одного пенни. У вас слишком обременена совесть, чтобы взваливать на вас бремя нового долга. Счастливого пути! Передайте привет моему кузену Уэстморленду. Верховный судья и его помощник уходят. Фальстаф Пусть меня отдут трехпудовой колотушкой, если я это сделаю. Старость так же неразлучна со скупостью, как юность с распутством. Зато стариков терзает подагра, а юношей язвит Венера, так что обоим возрастам достается и без моих проклятий! – Эй, мальчик! Паж что прикажете, сэра? Фальстаф Сколько там у меня в кошельке? Паж Семь гротов и два пенса. Фальстаф Никак не найду лекарства от карманной чахотки. Займы только затягивают эту болезнь, – она неизлечима. – Отнеси вот Это письмо принцу Ланкастерскому, а это – старой миссис Урсуле, которой я каждую неделю даю клятву на ней жениться, с тех пор как у меня в бороде появился первый седой волос. Ну, пошел! Ты знаешь, где найти меня. Паж уходит. Язвы Венера эту подагру, или подагра – эту Венеру! Не та, так другая пошаливает в большом пальце моей ноги. Но не беда, если я буду прихрамывать: сваляю все на войну, и тем больше прав у меня будет на пенсию. Умный человек все обратит себе на пользу, и я сумею извлечь выгоду из своих недугов. (Уходит.) СЦЕНА 3 Йорк. Архиепископский дворец.

Входят архиепископ Йоркский, лорд Хестингс, лорд Маубрей и лорд Бардольф. Архиепископ Теперь вам ясны наши цель и средства, и вас прошу я высказать, друзья,

Открыто взгляд свой: ждате ли нам успеха?

Сначала вы, лорд-маршал: ваше мнение? Маубрей Я для восстанья нахожу причины.

Но мне хотелось бы узнать, как можем

еще себя усилить мы, чтоб смело,

уверенно сражение принять

с могучими войсками короля. Хестингс Сейчас по спискам числится у нас

лишь тысяч двадцать пять солдат отборных,

но сверх того значительной подмоги

мы ждем от славного Нортемберленда,

чей дух огнем отмщения горит. Лорд Бардольф Итак, теперь вопрос лишь в том,

лорд Хестингс,  
Возможно ль нам с наличным нашим войском  
Идти в сражение без Нортемберленда. Хестингс Нет, только с ним. Лорд  
Бардольф Вот в этом все и дело.  
Раз без него мы чересчур слабы,  
Не должно нам далеко заходить,  
Пока не явится он на подмогу.  
Не следует в таком кровавом деле  
Догадок, вероятий допускать,  
Расчетов на неверную поддержку. Архиепископ Милорд, вы глубоко правы; лишь  
это  
Сгубило Хотспера под Шрусбери. Лорд Бардольф Вот именно; питался он  
мечтами,  
Как воздух, обещания глотал  
И тешился расчетами на войско,  
Которое на деле оказалось  
Ничтожнее малейшей из надежд.  
Так, оболещен, подобно сумасброду,  
Воображеньем буйным, войско на смерть  
Повел он и, зажмурясь, прыгнул в бездну. Хестингс Но никогда, поверьте, не  
вредило  
Надеяться на помощь, строить планы... Лорд Бардольф В такой войне, как  
наша, это вредно.  
Когда уж все готово и в ходу,  
Опасно жить надеждой. Так весною,  
Когда на почки смотрим мы, надежда,  
Что принесут они, созрев, плоды,  
Нисколько не верней, чем опасенье,  
Что их убьет мороз. Задумав строить,  
Исследовать сперва мы станем почву,  
Потом начертим план; когда ж готов  
Рисунок дома, - вычислить должны,  
Во сколько обойдется нам постройка.  
Но коль превысит смета наши средства,  
Что сделаем? Начертим план жилища  
Размеров меньших иль затею бросим.  
Тем более в таком великом деле,  
Когда хотим разрушить государство  
И возвести другое, мы должны  
Исследовать и почву и чертеж,  
Избрать фундамент прочный, расспросить  
Строителей - знать средства наши, можно ль  
Врага нам перевесить, а не то  
Сильны мы будем только на бумаге,  
Владея именами, не людьми;  
И мы подобны будем человеку.  
Который план строения начертит,  
Но, увидав, что не хватает средств,  
Оставит недостроенное зданье  
Нагой скелет - на произвол дождей  
И на расправу яростной зиме. Хестингс Допустим, что блестящие надежды  
Обманут нас и не пришлют нам в помощь  
Ни одного солдата, - все ж у нас  
Достаточно, я полагаю, войск,  
Чтоб силою померяться с монархом. Лорд Бардольф Как? Двадцать пять лишь  
тысяч у него? Хестингс Да, против нас не больше, даже меньше.  
Ведь на три части должен был войска  
Он разделить ввиду времен тревожных:  
Одна пойдет с французами сражаться,  
Другая - на Глендаура; нам грозит  
Лишь третья. Он ослаблен разделеньем,  
И пустотой его казна бренчит. Архиепископ Бояться нечего, что соберет он  
Свои раздробленные силы вместе,  
Чтоб двинуться на нас. Хестингс Но он тем самым,  
Оставив без прикрытия свой тыл.  
Позволил бы французам и уэльцам  
Ему вцепиться в пятки. Быть не может! Лорд Бардольф Кто поведет на нас его  
полки? Хестингс Принц Джон Ланкастерский и Уэстморленд,  
А на уэльцев - сам он и принц Гарри.  
Но я не знаю, кто возглавит силы,  
Что на французоз двинутся. Архиепископ Приступим!



Должны мы огласить восстанья цель.

Пресытился народ любовью жадной,

И от избранника его тошнит.

Всегда непрочно, ненадежно зданье,

Основанное на любви толпы.

О чернь пустоголовая! Как шумно

Ты ввысь бросала имя Болингброка,

Когда он не был чем, чего так страстно

Ты для него желала! А теперь,

Когда наряжен он тебе по вкусу,

Ты так объелась королем, обжора,

Что хочешь изрыгнуть его. Не так ли

Ты Ричарда, презренная собака,

Извергла из утробы ненасытной?

Теперь изbleванное ищешь с воем,

Чтобы пожрать. Кому же нынче верить?

Те, что при жизни Ричарда желали

Ему кончины, в гроб его влюбились.

Ты, что бросала грязь ему в лицо,

Когда по гордым улицам столицы

Он шел, вздыхая, вслед за Болингброком

Героем дня, - теперь кричишь: "Земля,

Верни его, а Генриха возьми!"

О дух людской! Что будет иль что было

Желанно всем, а что теперь - не мило. Маубрей Так для похода нам войска

стянуть? Хестингс Властитель-время нас торопит: в путь! Уходят. АКТ II

СЦЕНА 1 Лондон. Улица.

Входят хозяйка и Фенг со слугой мальчиком, затем Снер. Хозяйка Мистер Фенг,

вы дали ход моей жалобе? Фенг Дал. Хозяйка Где же ваш помощник? Что он -

дюжий парень? Сможет постоять за себя? Фенг Эй, малый, где Снер? Хозяйка

Господи боже мой! Добрейший мистер Снер! Снер Вот и я! Вот и я! Фенг Снер,

мы должны арестовать сэра Джона Фальстафа. Хозяйка Да, добрейший мистер

Снер, я подала на него ко взысканию. Снер Это может стоить жизни одному из

нас, потому что он пустит в ход оружие. Хозяйка Ох-хо-хо, берегитесь его!

Он кинулся с кинжалом на меня, в моем собственном доме, да еще как яростно!

Честное слово, он как выхватит оружие, так уже ни на что не смотрит, а

кидается на всех как дьявол, не пощадит тебе ни мужчины, ни женщины, ни

ребенка. Фенг Попадись он только мне, - уж я его не побоюсь. Хозяйка И я

тоже; я буду стоять с вами рядышком. Фенг Лишь бы мне его сцапать, - уж я

его не выпущу! Хозяйка Если он уедет, я совсем пропала! Даю вам честное

слово, он мне страсть сколько задолжал. Добрейший мистер Фенг, держите его

покрепче! Добрейший мистер Снер, посмотрите не упустите его! С разрешения

вашей милости, он н\_е\_з\_а\_м\_е\_д\_л\_и\_т\_е\_л\_ь\_н\_о отправился в Паштетный ряд

покупать себе седло. А потом он о\_г\_л\_а\_ш\_е\_н обедать в "л\_и\_п\_а\_р\_д\_о\_в\_у

голову", что на л\_у\_м\_б\_а\_р\_д\_о\_в\_с\_к\_о\_й улице, к мистеру Смуту, торговцу

шелками. Убедительно вас прошу, раз уж моя ж\_а\_л\_о\_б\_н\_о\_с\_т\_ь принята и

мое дело известно на весь божий мир, поскорее притяните его к ответу. Сто

марок немалые деньги для бедной одинокой женщины. И я терпела, терпела, а

он все водил и водил меня за нос изо дня в день, так что и сказать стыдно.

Разве честно так посыпать с женщиной? Что я - осел или скотина какая, чтобы

сносить обиды от всякого? Вот он идет, и с ним этот отъявленный мошенник

Бардольф, у которого нос все равно как бутылка малаги. Делайте свое дело,

делайте свое дело, мистер Фенг, и вы, мистер Снер, очень, очень прошу вас,

делайте свое дело. Входят Фальстаф, паж и Бардольф. Фальстаф Что такое? Чья

кобыла подохла? В чем дело? Фенг Сэр Джон, я арестую вас согласно жалобе

миссис Куикли. Фальстаф Прочь, мерзавцы! - Обнажи свой меч, Бардольф. Снеси

башку этому негодяю, а шлюху эту брось в канаву. Хозяйка Это меня-то в

канаву? Я тебя самого брошу в канаву. Попробуй только, попробуй только,

попробуй, поганый ублюдок! Спасите, режут! Ах ты, проклятый у\_б\_и\_в\_е\_ц!

Хочешь убить слуг божьих и королевских? Ах ты, с\_м\_е\_р\_т\_о\_г\_у\_б\_и\_й\_ц\_а!

Суший с\_м\_е\_р\_т\_о\_г\_у\_б\_и\_й\_ц\_а! Муже у\_б\_и\_в\_е\_ц - вот ты кто! И

ж\_е\_н\_о\_у\_б\_и\_в\_е\_ц тоже! Фальстаф Вышвырни их, Бардольф. Фенг На помощь!

На помощь! Хозяйка Люди добрые, дайте сюда пару помочей! Не желаешь

платить? Не желаешь? Нет? Плати, плати, мерзавец ты этакий!

С\_м\_е\_р\_т\_о\_г\_у\_б\_и\_в\_е\_ц! Фальстаф Пошла прочь, судомойка, потаскушка,

грязнуха! Уж я поглажу тебя по мягким местам! Входит Верховный судья с

полицейскими. Верховный судья В чем дело? Эй, не затевайте ссоры! Хозяйка

Милостивый милорд, будьте милостивы ко мне. Умоляю вас, заступитесь за

меня. Верховный судья Вот как, сэр Джон! Буяните вы здесь?

К лицу ли это вам при вашем сене,

В такое время? Вам давно пора

Быть на дороге в Йорк. – Эй ты, голубчик, оставь его! Зачем на нем повис? Хозяйка Ах, высокочтимый лорд, с позволения вашей милости, я бедная вдова из Истчипа, и он арестован по моей жалобе. Верховный судья Какую сумму он вам должен? Хозяйка Какую там суму, милорд? Да я сама из-за него скоро с сумой по миру пойду. Он все сожрал у меня, не оставил ни кола, ни двора; все мое достояние упрятал в свое толстое брюхо. Но погоди, я вырву из утробы хоть часть своего добра, а не то стану по ночам душить тебя, как злой дух! Фальстаф Ну, положим, я сам задушу духа, если навалюсь на него всем телом. Верховный судья Что это значит, сэра Джон? Стыдитесь! Может ли порядочный человек выдержать такую бурю ругательств? Неужели вам не совестно, что вы заставили бедную вдову прибегнуть к таким крайним мерам, чтобы вернуть свое достояние? Фальстаф Сколько всего я тебе должен? Хозяйка Истинный бог, и свою особу и уйму денег, ежели ты честный человек. Ты поклялся мне на золоченом кубке, сидя в Дельфиновой комнате за круглым столом у камина, – а было это в среду после Духова дня, когда принц разбил тебе голову за то, что ты сравнил его отца с виндзорским певчим, – так вот, когда я промывала тебе рану, ты поклялся, что женишься на мне и сделаешь меня своей женой, знатной леди. Попробуй-ка отпираться! Помнишь, еще тогда вошла соседка Кич, жена мясника, и назвала меня кумушкой Куикли? Она пришла занять у меня немножко уксуса и сказала, что готовит славное блюдо из раков; тебе захотелось отведать их, а я тебе сказала, что, мол, раков вредно есть при открытой ране. А потом, когда она ушла, помнишь, ты мне сказал, что я не должна держать себя запросто с такой мелюзгой, да еще прибавил, что, мол, скоро они будут меня называть "миледи"? А потом ты поцеловал меня и попросил тридцать шиллингов. Я заставляю тебя присягнуть на библии, попробуй-ка отпереться. Фальстаф Милорд, это несчастная помешанная; она кричит на всех перекрестках, что ее старший сын весь в вас. Раньше она жила зажиточно, а теперь, по правде сказать, повредилась в уме от бедности. А что до этих дураков полицейских, то, прошу вас, избавьте меня от них. Верховный судья Сэр Джон, сэра Джон, я отлично знаю вашу способность извращать истину. Ни ваш самоуверенный вид, ни поток слов, который вы извергаете с наглым бесстыдством, не заставят меня отступить от строгой справедливости. Вы, как мне представляется, злоупотребили доверием этой податливой женщины, заставив ее служить вам и кошельком и собственной особой. Хозяйка Истинная правда, милорд. Верховный судья Помолчи, пожалуйста. – Верните ей свой долг и загладьте причиненное ей зло; для первого нужны полноценные монеты, а для второго чистосердечное раскаяние. Фальстаф Милорд, я не могу оставить такую нахлобучку без возражений. Благородную смелость вы называете наглым бесстыдством. По-вашему, если человек молчит и кланяется, значит, он уж и добродетелен? Нет, милорд, при всем моем почтении к вам я вам не какой-нибудь проситель. Заявляю вам, что прошу избавить меня от этих полицейских, потому что я тороплюсь на службу по королевским делам. Верховный судья Вы говорите так, как если бы имели право поступать незаконно. Однако докажите, что вы достойны своего звания, удовлетворив требования этой бедной женщины. Фальстаф Поди-ка сюда, хозяйка. (Отводит ее в сторону.) Входит Гауэр. Верховный судья Что скажете, мистер Гауэр? Гауэр Король прибудет скоро с принцем Гарри. Письмо, милорд, вам скажет остальное. Фальстаф Даю тебе слово дворянина. Хозяйка Ей-богу, вы мне и раньше то же самое говорили. Фальстаф Даю тебе слово дворянина. Слыхала? Больше ни слова об этом. Хозяйка Клянусь этой н\_е\_б\_е\_с\_н\_о\_й землей, по которой я ступаю, придется мне заложить серебряную посуду и стенные ковры из столовой. Фальстаф Стаканы, стаканы – вот что нужно для питья; а что касается стен, то на них можно намалевать водяными красками какую-нибудь веселенькую картинку, или историю блудного сына, или немецкую охоту, и это будет в тысячу раз лучше всех этих занавесок да изъеденных молью ковров. Дай мне, если можешь, хоть десять фунтов. Если бы не твои капризы, право же, в Англии не нашлось бы бабенки лучше тебя. Ступай вымой лицо и возьми назад свою жалобу. Право же, тебе не следует со мной ссориться. Разве ты меня не знаешь? Ну полно, полно, я ведь знаю, что тебя натравили на меня. Хозяйка Не хватит ли тебе двадцати ноблей, сэра Джон? Право, мне не хочется закладывать серебряную посуду – видит бог, не хочется! Фальстаф Пусть будет по-твоему; я уж как-нибудь извернусь. А ты как была, так и останешься душой. Хозяйка Ладно, я раздобуду вам денег, хотя бы мне пришлось заложить мои платья. Надеюсь, вы придете ужинать? Ведь вы разом со мной расплатитесь? Фальстаф Умереть мне на этом месте, если не так! (Бардольфу.) Ступай за ней, ступай за ней по пятам, по пятам. Хозяйка Хотите, я приглашу на ужин Долль Тершит? Фальстаф Разумеется! Пускай приходит. Хозяйка, Бардольф, полицейские и паж уходят. Верховный судья

(Гауэру) Я слышал новости получше этих. Фальстаф Какие же это новости, добрейший лорд? Верховный судья Где ночевал сегодня государь? Гауэр Сегодня

в Безингстоке. Фальстаф Надеюсь, милорд, все благополучно? Какие новости, милорд? Верховный судья С ним все войска идут? Гауэр Нет, пехотинцев тысячу пятьсот

И всадников пятьсот король послал

В подмогу молодому принцу Джону

Против епископа с Нортемберлендом. Фальстаф Скажите, благородный лорд, король возвращается из Уэльса? Верховный судья Я не замедлю письма вам вручить.

Идем со мной, добрейший мистер Гауэр. Фальстаф Милорд! Верховный судья В чем дело? Фальстаф Мистер Гауэр, могу я вас пригласить отобедать со мной? Гауэр Я нахожусь в распоряжении милорда; благодарю вас, добрейший сэр Джон. Верховный судья Сэр Джон, вы слишком тут задержались. Вам следовало бы уже вербовать солдат в графствах, через которые лежит ваш путь. Фальстаф Не угодно ли вам отужинать со мной, мистер Гауэр? Верховный судья Какой дурак научил вас таким повадкам, сэр Джон? Фальстаф Мистер Гауэр, если мне не к лицу такие повадки, значит, меня научил им дурак. – Так уж ведется у нас, фехтовальщиков: удар за удар – и мы квиты. Верховный судья Да вразумит тебя господь! Ты великий глупец. Уходят. СЦЕНА 2 Лондон. Другая улица.

Входят принц Генрих и Пойнс. Принц Генрих Видит бог, я ужасно устал. Пойнс Неужели? А я-то думал, что усталость не берет таких высокородных особ. Принц Генрих По правде сказать, она меня одолела, хотя от этого признания и блекнут краски моего величия. Может быть, тебе покажется низменным и мое желание выпить легкого пива? Пойнс Я полагаю, принц должен быть достаточно хорошо воспитан, чтобы не напоминать о таком дрянном напитке. Принц Генрих Так, значит, у меня совсем не королевские вкусы, потому что, честное слово, я сейчас вспомнил об этом пойле. Но, конечно, такие низменные мысли идут вразрез с моим величием. Разве достойно меня помнить твое имя? Или узнавать тебя на следующий день в лицо? Или замечать, сколько у тебя пар шелковых чулок, а именно – что кроме этих у тебя есть еще другие, персикового цвета? Или вести счет твоим рубашкам – какая из них для праздничных дней и какая для будней? Но об этом лучше моего знает сторож при теннисной площадке, потому что, раз тебя там нет с ракеткой, значит, у тебя плохи дела с бельем; а ты уже давно туда не заглядывал, потому что твои нижние провинции поглотили все твои голландские запасы. Один бог знает, попадут ли в царство небесное те пискуны, которые сейчас завернуты в остатки твоего белья. Впрочем, повивальные бабки уверяют, что дети неповинны в своем рождении. К тому же благодаря этому возрастает население и умножаются родственные связи. Пойнс Как плохо вяжется эта праздная болтовня с вашими доблестными трудами на поле битвы! Скажите мне, много ли на свете молодых принцев, которые вели бы себя так, как вы сейчас, если бы отец их был так тяжело болен? Принц Генрих Сказать тебе одну вещь, Пойнс? Пойнс Скажите, только что-нибудь очень хорошее. Принц Генрих Сойдет для такого заурядного ума, как твой. Пойнс Ладно. Постараюсь выдержать удар, который вы мне готовите. Принц Генрих Так вот что я тебе скажу: мне не подобает казаться печальным теперь, когда мой отец болен; а все же признаюсь тебе как другу – ибо за неимением лучшего мне угодно называть тебя своим другом, – что я печален, очень печален. Пойнс Трудно поверить, чтобы это могло вас опечалить. Принц Генрих Клянусь моей рукой, ты воображаешь, будто я такой же закоренелый и нераскашный приспешник дьявола, как ты и Фальстаф. Но поживем – увидим. Уверяю тебя, у меня сердце обливается кровью при мысли о том, как тяжело болен мой отец. Но в таком дурном обществе, как твое, у меня нет ни малейшей охоты обнаруживать свою грусть. Пойнс Почему так? Принц Генрих Что бы ты подумал обо мне, если бы я вдруг заплакал? Пойнс Я подумал бы, что ты царственный лицемер. Принц Генрих И всякий подумал бы то же самое. Ты замечательный малый; ты всегда думаешь то, что и все другие. Твои мысли движутся всегда по самым проторенным дорогам. Действительно, всякий счел бы меня лицемером. Но что привело твою почтенную мысль к такому выводу? Пойнс Как что? Ваша распутная жизнь и чрезмерная привязанность к Фальстафу. Принц Генрих И к тебе. Пойнс Клянусь светом дня, я пользуюсь хорошей славой; я это слышал собственными ушами. Худшее, что обо мне могут сказать, – это то, что я младший сын и кормлю себя сам. Признаться, ни того, ни другого я не могу исправить. Клянусь обедней, вот идет Бардольф. Принц Генрих А с ним и мальчишка, которого я приставил к Фальстафу. Когда он поступал к нему, это был христианский ребенок, а теперь – смотри, что за обезьяну сделал из него этот жирный плут. Входят Бардольф и паж. Бардольф Храни господь вашу милость. Принц Генрих А также и вашу, благороднейший Бардольф. Бардольф (пажу) Ах ты, добродетельный осел, застенчивый дурень, ну чего ты краснеешь? Почему ты сейчас покраснел? Девчонка ты, а не солдат! Велика важность лишить невинности кружку в две квартиры! Паж Он только что окликнул меня, милорд, через красную оконную решетку, и я никак не мог отличить его лица от окна; наконец я разглядел его глаза; мне показалось, что он сделал

две дыры в новой юбке трактирщицы и смотрит сквозь них. Принц Генрих Не правда ли, мальчик сделал успехи? Бардольф Пошел прочь, ублюдок, двуногий заяц, прочь! Паж Пошел прочь, мерзкий сон Алфеи, прочь! Принц Генрих Объясни нам, мальчик, что это за сон. Паж Да ведь Алфее приснилось, милорд, что она разрешилась от бремени горячей головней; поэтому я и называю его сном Алфеи. Принц Генрих Такое истолкование стоит кроны. Получай, мальчик. {Дает ему монету.} Пойнс О, если бы можно было уберечь от червей этот прелестный бутон! Вот тебе шесть пенсов, пусть они предохранят тебя от порчи. Бардольф Если его не повесят вместе с тобой, виселица много потеряет. Принц Генрих А как поживает твой хозяин, Бардольф? Бардольф Хорошо, милорд. Он слышал, что ваша милость прибыли в город. Вот вам письмо от него. Пойнс Вручено с должным почтением. Ну, как поживает твой хозяин Бабе Лето? Бардольф В добром телесном здоровье, сэр. Пойнс Зато его бессмертная часть нуждается во враче. Однако это его мало тревожит: ведь душа, хотя и больна, не может умереть. Принц Генрих Я позволяю этому волдырю обходиться со мной запросто, как моей собаке, и он этим пользуется: смотрите, что он мне пишет. Пойнс (читает) "От сэра Джона Фальстафа, рыцаря...". Он тычет всем в глаза своим званием при каждом удобном случае, совсем как те родственники короля, которые, уколов палец, всякий раз говорят: "Вот пролилась королевская кровь". - "Как так?" - спросит иной, притворившись, что не понял; и ответ следует так же быстро, как шапка слетает с головы просителя: "Я бедный родственник короля, сэр". Принц Генрих Да, они так желают попасть к нам в родню, что готовы добраться до Иафета. Но вернемся к письму. Пойнс "От сэра Джона Фальстафа, рыцаря, королевскому сыну, наследнику своего отца, Гарри, принцу Уэльскому, - привет". Совсем как официальная бумага! Принц Генрих Брось! Пойнс "Буду в краткости подражать славным римлянам". Без сомнения, он имеет в виду свое короткое дыхание, одышку. "Вверяю себя твоей милости, а тебя милости божьей, и покидаю тебя. Смотри не приближай к себе Пойнса, - он злоупотребляет твоей благосклонностью и так обнаглел, что клянется, будто ты собираешься жениться на его сестре Нелль. На досуге кайся в своих грехах, если придет охота. Затем до свидания. Остаюсь твой или не твой (смотря по тому, как ты со мной обойдешься) Джек Фальстаф для моих друзей, Джон для моих братьев и сестер и сэр Джон для всей Европы". Милорд, я обмакну это письмо в херес и заставлю Фальстафа проглотить его. Принц Генрих Ты заставишь его проглотить десятка два его собственных слов. Но неужели, Нед, ты так забылся? Ты хочешь женить меня на своей сестре? Пойнс Пошли господь девчонке всякого счастья! Но только я никогда этого не говорил. Принц Генрих Однако мы, как дураки, теряем время даром, а души мудрецов, витая в облаках, смеются над нами. - Твой хозяин здесь, в Лондоне? Бардольф Да, милорд. Принц Генрих Где он сегодня ужинает? Что, старый боров по-прежнему кормится в своем старом хлеву? Бардольф На старом месте, милорд, в Истчипе. Принц Генрих В какой компании? Бардольф С эфесцами, милорд, людьми старого закала. Принц Генрих Ужинают какие-нибудь женщины с ним? Паж Ни одной, ваша светлость, кроме старой миссис Куикли да еще миссис Долль Тершит. Принц Генрих Это что еще за тварь? Паж Она приличная дама, сэр, родственница моего хозяина. Принц Генрих Она такая же ему родственница, как приходская корова городскому быку. А не накрыть ли их нам за этим ужином, Нед? Пойнс Я ваша тень, милорд; я последую за вами. Принц Генрих Слушай, мальчик, и ты, Бардольф: ни звука вашему хозяину о том, что я вернулся в Лондон. Вот вам за молчание. (Дает им деньги.) Бардольф Я проглотил язык, сэр. Паж А что до меня, то я буду держать язык за зубами. Принц Генрих До свиданья. Ступайте. Бардольф и паж уходят. Эта Долль Тершит, вероятно, нечто вроде проезжей дороги. Пойнс Ручаюсь вам, такая же накатанная, как между Сент-Ольбенсом и Лондоном. Принц Генрих Как бы это нам посмотреть нынче вечером на Фальстафа в его настоящем виде так, чтобы он нас самих не заметил? Пойнс Наденем кожаные куртки и передники и будем прислуживать ему за столом вместо трактирных слуг. Принц Генрих Из бога вдруг стать быком? Ужасное падение! Впрочем, это случалось с Юпитером. Из принца стать мальчишкой-прислужником? Постыдное превращение! Так будет со мной. Ведь во всяком деле, чтобы добиться успеха, нужна некоторая доля безумия. - Идем, Нед. Уходят. СЦЕНА 3 Уоркуорт. Перед замком. Входят Нортемберленд, леди Нортемберленд и леди Перси. Нортемберленд Прошу вас, милая жена и дочь, идти путем суровым не мешайте, Не досаждайте мне убитым видом, И без того тревожны времена, Леди Нортемберленд Я замолкаю; поступай как знаешь, И пусть тобою управляет разум. Нортемберленд Увы, супруга, честь моя в залоге, И лишь отъезд мой выкупит ее. Леди Перси О, ради бога, на войну, отец,

Не уезжайте. Вспомните, ведь вы  
 И поважнее не сдержали слова,  
 Когда ваш сын, когда мой милый Гарри  
 На север взоры устремлял в надежде  
 Увидеть вас, - но ждал напрасно он!  
 Что удержало дома вас тогда?  
 В тот день погибла честь его и ваша.  
 Пусть небо вашей чести блеск вернет!  
 Его же честь сияла, словно солнце  
 На небе голубом. Ее блистанье  
 Всех рыцарей английских побуждало  
 На подвиги. Был зеркалом наш Гарри,  
 В которое смотрелась молодежь.  
 Одни безногие не подражали  
 Его походке; торопливость речи,  
 Его врожденный недостаток, стала  
 Для храбрецов манерой говорить,  
 И тот, кто внятно говорил и плавно,  
 Достоинство менял на недостаток,  
 Чтоб стать, как он; все в нем - походка, речь,  
 Привычки боевые, развлеченья,  
 Причуды - было зеркалом, скрижалью,  
 Достойным подражанья образцом.  
 И он - о дивный муж, средь смертных чудо!  
 Покинут вами был в тяжелый миг  
 (Единственный, остался он один!)  
 На растерзанье злему богу брани  
 И принужден сражаться был на поле,  
 Где имя лишь ему защитой было,  
 И в том повинны вы! О, никогда  
 Не оскорбляйте памяти его,  
 Обет, повстанцам данный, исполняя!  
 Пускай они идут своим путем.  
 Архиепископ с маршалом сильны.  
 Когда б имел мой драгоценный Гарри  
 Хоть половину войска их, - теперь  
 Я слушала б рассказ о смерти принца,  
 Обвив руками Хотспера. Нортемберленд Зачем  
 Вы дух во мне смутили, дочь моя,  
 Напомнив вновь о промахе минувшем?  
 Нет, я пойду опасности навстречу,  
 Иль на меня она сама нагрянет  
 В нежданный час. Леди Нортемберленд В Шотландию беги  
 И выжидай, пока народ и лорды  
 На деле не докажут мощь свою. Леди Перси Коль им сломить удастся короля,  
 Примкните к ним, чтоб укрепить их силы  
 Стальной опорой. А сперва, молю вас,  
 Их предоставьте собственной судьбе.  
 Ведь так вы поступили с вашим сыном  
 И стала я вдовой. Но, сколько б я  
 Ни прожила еще, не хватит слез,  
 Чтоб орошать цветок воспоминаний  
 И до небес его взрастить в честь Перси. Нортемберленд Идем, идем со мной.  
 Моя душа  
 Морским волнам подобна в час прилива,  
 Когда замрут они, границ достигнув.  
 К архиепископу примкнул бы я,  
 Но тысяча причин тому помехой.  
 Я изберу Шотландию; там буду,  
 Пока не призовет успех оттуда. Уходят. СЦЕНА 4 Лондон. Комната в трактире  
 "Кабанья голова" в Истчипе. Входят двое слуг. Первый слуга Что это ты  
 принес, черт возьми? Печенье яблоки? Разве ты не знаешь, что сэра Джон  
 терпеть не может печеных яблок? Второй слуга Клянусь обедней, ты прав.  
 Принц как-то поставил перед ним тарелку с печеными яблоками, да и говорит:  
 "А вот еще пять таких, как ты, рыцарей"; потом снял шляпу и прибавил:  
 "Честь имею раскланяться с шестью круглыми желтыми сморщенными рыцарями".  
 Эта шутка ужасно рассердила сэра Джона, но потом он забыл о ней. Первый  
 слуга Ну, так накрывай на стол и ставь яблоки. Да разыщи Сника с его  
 музыкантами, - миссис Тершит захотелось послушать музыку. Поторапливайся; в  
 комнате, где они ужинали, очень жарко, и они сейчас придут сюда. Второй  
 слуга Слушай, сейчас сюда явится принц с мистером Пойнсом; они наденут наши

куртки и передники, но только сэра Джон не должен этого знать: Бардольф предупредил меня об этом. Первый слуга Истинный бог, славная будет потеха! Второй слуга Пойду поищу Сника. (Уходит.) Входят хозяйка и Долль Тершит. Хозяйка Ей-богу, душечка, у вас, думается мне, сейчас замечательная т\_е\_м\_п\_е\_р\_а\_м\_е\_н\_т\_у\_р\_а; п\_у\_л\_ь\_з\_а у вас бьется так великолепно, что лучше и желать нельзя, а личико у вас, даю вам честное слово, красное, как все равно роза, - истинная правда! - но только вы, ей-богу, уж слишком много хлебнули канарского, а это вино на редкость забористое, и не успеешь спросить: "что это со мной?" - как оно тебе уже всю кровь надушило. Ну как вы себя чувствуете? Долль Чутьочку получше. Хм-хм... Хозяйка Значит, все прекрасно. Доброе сердце дороже золота. А вот и сэра Джон. Входит Фальстаф напевая. Фальстаф "Когда Артур возшел на трон..." Вынесите посудину. Первый слуга уходит. "Он славный был король". Ну, миссис Долль, как вы себя чувствуете? Хозяйка Ей стало дурно, грудь сдавило; ей-богу, так. Фальстаф Все вы, женщины, таковы - чуть вас придавишь, уж вам и дурно. Долль Ах ты, паршивый негодяй! Ничего другого в утешение мне не скажешь? Фальстаф Это из-за вас я так разжирел, миссис Долль. Долль Из-за меня? Толстеют от обжорства да от болезней, а я тут ни при чем. Фальстаф Если обжорством мы обязаны поварам, то болезнями обязаны вашей сестре; мы подхватываем их у вас, Долль, у вас. Согласись с этим, невинная бедняжка, согласись. Долль Да, а вы подхватываете наши цепочки и драгоценности. Фальстаф "Рубины, золото и перлы...". Вы же знаете, что тот, кто храбро дерется, выходит из битвы хромым. Сперва смело бросаешься в брешь с поднятым копьём, а потом смело идешь к лекарю. Смело атакуешь заряженную мортиру, а потом... Долль Чтоб тебя вздернули, поганый морской угорь, чтоб тебя вздернули! Хозяйка Опять принялись за старое! Стоит вам встретиться, как сейчас же начинаете ссориться. Ей-богу, вы оба такие шершавые, как все равно сухари: ни одного д\_о\_с\_т\_а\_т\_к\_а друг дружке не хотите спустить. Ну и времена пошли! Один из вас должен уступить, и, конечно, это вы, миссис Долль, потому что вы слабейший сосуд и, как говорится, порожний сосуд. Долль Разве может слабый и порожний сосуд выдержать такую необъятную, полную до краев бочку? Ведь он так нагрузился бордосским, что столько не влезет и в корабельный трюм. Ну ладно, помиримся, Джек. Ты едешь на войну, и кто знает, встретимся ли мы еще с тобой. Входят первый слуга. Первый слуга Сэр, пришел прапорщик Пистоль и хочет вас видеть. Долль Вздернуть бы его, проклятого буяна! Не пускайте его сюда, - это первый сквернослов в Англии. Хозяйка Если он буян, не пускайте его сюда ни за что на свете. Нет, честное слово, у меня есть соседи; не надобно мне буянов. Самые лучшие люди оказывают мне почет и уважение. Заприте двери! Не пушу я к себе буянов! Не затем я столько лет на свете прожила, чтобы впускать к себе буянов. Заприте двери, прошу вас. Фальстаф Но послушай, хозяйка... Хозяйка Будьте спокойны, сэра Джон, мы не пустим сюда буянов. Фальстаф Да разве ты не слышишь, что это мой прапорщик? Хозяйка Дудки, сэра Джон! Нечего об этом толковать. Ноги вашего буяна прапорщика не будет в моем доме. Я была на днях у мистера Тайзика, начальника полиции нашего квартала, и он мне сказал, - а было это в прошлую среду: "Соседка Куикли, - сказал он мне (мистер Домб, наш пастор, был при этом), - пускайте к себе только приличных людей, потому что, - сказал он, - про вас идет дурная слава". Ну, я, конечно, понимаю, к чему он это сказал. "Потому что, сказал он, - вы честная женщина и пользуетесь уважением; так смотрите принимайте гостей с разбором. Ни за что не пускайте, - сказал он, - всяких буянов". И я не пушу их к себе. Послушали бы вы только, как он все это говорил. Нет, не надо мне буянов. Фальстаф Он вовсе не буян, хозяйка, а, право, самый безвредный шулер. Его хоть по спине гладь, как маленькую левретку. Он даже индюшки не обидит, если она взъерошит перья и станет защищаться. Зови его сюда, малый. Хозяйка Шулер, говорите вы? Я не запрю своих дверей перед честным человеком, а перед шулерами и подавно, но, ей-богу, я терпеть не могу буянов. Со мной прямо дурно делается, едва услышу слово "буян". Потрогайте меня, господи, посмотрите, как меня трясет, ей-богу, правда. Долль И впрямь вы дрожите, хозяйка. Хозяйка А то как же! Честное-благородное слово, дрожу как осиновый лист. Я прямо-таки не выношу буянов. Входят Пистоль, Бардольф и паж. Пистоль Да хранит вас бог, сэра Джон! Фальстаф Добро пожаловать, прапорщик Пистоль. Иди сюда, Пистоль, я заряджу тебя кружкой хереса, а ты пали в хозяйку. Пистоль Я пальну в нее двумя пулями, сэра Джон. Фальстаф Она огнестойкая, приятель, ее такими зарядами не пробьешь. Хозяйка Не стану я пить вашу огнестойкую; ни для кого на свете не стану пить больше, чем следует. Пистоль Тогда переиду к вам, миссис Дороти; возьму и выпалю в вас. Долль В меня? Плевать мне на тебя, паршивый черт! Ах ты жалкий, грязный, подлый плут! Нищий, у которого и рубашки-то нет на плечах. Прочь, вшивый жулик, прочь! Я - лакомый кусочек для твоего хозяина. Пистоль Знаем мы вас, миссис Дороти. Долль Прочь, дрянной карманный воришка! Шелудивый мошенник, прочь! Клянусь этим вином, я

всажу нож в твою поганую глотку, ежели ты посмеешь со мной озорничать. Пошел прочь, ты, пивная бутылка! Истасканный фехтовальщик! С каких это пор, сэр, вы набрались такой прыти? Подумаешь, нацепил себе шнурки на плечи! Экая невидаль! Пистоль Разрази меня гром, если я не оборву тебе за это оборки. Фальстаф Будет, Пистоль. Не смей здесь палить. Проваливай-ка отсюда. Хозяйка Да, добрейший капитан Пистоль, только не здесь, дорогой капитан. Долль Капитан! Ах ты, окаянный, проклятый обманщик, и тебе не стыдно, что тебя величают капитаном? Будь я на месте капитанов. Я бы тебя отдула за то, что ты берешь на себя чужое звание, не дослужившись до него. Ты-то капитан? Такая-то мразь? Да с какой это стати? За то, что ты рвешь оборки у бедных потаскушек в публичных домах? Это он-то капитан? Повесить его, мерзавца! Он питается прокисшим черносливом да черствыми пирогами. Капитан! Убей меня бог! Эти негодяи скоро так же испоганят слово "капитан", как испоганили слово "обладать", которое раньше было отменным словечком, а потом стало непристойным. Настоящим капитанам следовало бы положить этому конец. Бардольф Уходи-ка ты отсюда, добрейший прапорщик. Фальстаф Послушай, миссис Долль... Пистоль Мне - уйти? Ни за что! Уверю тебя, капрал Бардольф, я способен ее разорвать! Уж я ей этого не спущу! Паж Пожалуйста, уйдите отсюда. Пистоль Нет, клянусь моей рукой, сначала отправлю ее в ад, в проклятое озеро Плутона, в кромешную бездну вместе с Эребом, на страшные муки! Эй, подавайте крючки и удилице! Хватайте ее, псы! Тащите ее, Парки! Не Ирина ли перед нами? Хозяйка Успокойтесь, добрейший капитан П\_у\_с\_т\_о\_л\_ь! Ей-богу, время уже позднее. Умоляю вас, р\_а\_з\_н\_у\_з\_д\_а\_й\_т\_е свой гнев. Пистоль Вот шутка, нечего сказать! Одры, Татарские некормленные клячи, что в день и тридцать миль не пробегут, дерзают с к\_а\_н\_н\_и\_б\_а\_л\_а\_м\_и равняться. С троянцами и с Цезарем? Ну, нет! Пусть будут прокляты, и царь их Цербер, и пусть громами грянет небосвод! Нашли из-за чего сцепляться! Хозяйка Ей-богу, капитан, вот это так крепкие слова! Бардольф Уходите-ка, добрейший прапорщик, не то дело дойдет до драки. Пистоль Пусть люди дохнут, как собаки! Пусть Короны, как булавки, отдают! Иль нет Ирины здесь? Хозяйка Даю вам честное слово, капитан, такой здесь не имеется. Ну и времена пошли! Что ж я, по-вашему, стану ее укрывать! Ради создателя, успокойтесь! Пистоль Ешь и толстей, моя Калиполида. Эй, хересу подать! Se fortuna mi tormenta, Lo sperare mi contenta. Что залпы нам? Пускай сам черт палит! Эй, хересу мне! - Ну, ложись, милашка. (Снимает шпагу и кладет ее на стол.) Мы дошли до точки без всяких "и так далее". Фальстаф Советую тебе, Пистоль, успокоиться. Пистоль Милейший рыцарь, целую твой кулак. Иль мы не любовались с тобою вместе Большой Медведицей? Долль Ради господ бога, спустите его с лестницы. Видеть я не могу Этого окаянного ирода. Пистоль Спустить меня с лестницы? Знаем мы этих галлоуэйских кляч. Фальстаф Бардольф, швырни его, как грош в орлянку! Если он переливает из пустого в порожнее, пусть ему самому будет пусто! Бардольф Ну, проваливай отсюда! Пистоль Что? До резни дошло? Прольется кровь! (Хватает шпагу.) Прими в объятья, смерть, векжалкий сократи мне! Пусть жуткие, зияющие раны Трех призовут сестер! Ты, Атропос, ко мне! Хозяйка Ну и каша заварилась. Фальстаф Мальчик, подай рапиру. Долль Джек, прошу тебя, не обнажай шпаги! Прощу тебя! Фальстаф (обнажая шпагу) Проваливай отсюда! Хозяйка Ну и заваруха! Уж лучше закрыть мне заведение, чем вечно терпеть такие страсти и у\_ж\_а\_с\_т\_и! Быть убийству, помяните мое слово. Горе мое горькое! Да спрячьте же вы свое обнаженное оружие, спрячьте, говорю, обнаженное оружие! Бардольф и Пистоль уходят. Долль Прощу тебя, Джек, успокойся. Мерзавец ушел. Ах ты, мой храбрый негодный ублюдок! Хозяйка Он не ранил вас в пах? Мне кажется, он коварно метил вам прямо в живот. Входит Бардольф. Фальстаф Ну что, ты выставил его за дверь? Бардольф Да, сэр. Негодяй был пьян. Вы его ранили, сэр, в плечо. Фальстаф Негодяй! Как он смел задирать меня! Долль Ах ты, мой драгоценный плутишка! Ах ты, моя бедная обезьянка! Как ты вспотел. Постой, дай мне вытереть тебе лицо; подставь мне свою мордочку. Ах ты, мой жирный ублюдок! Ей-богу, я тебя без памяти люблю. Ты храбр, как Гектор Троянский, один стоишь пяти Агамемнонов и в десять раз лучше всех девяти героев. Ах, негодник! Фальстаф Проклятая гадина! Уж задам я жару этой скотине! Долль Сделай это, потешь свою душу! А уж я за это погрею тебя под одеялом. Входят музыканты. Паж Музыканты пришли, сэр. Фальстаф Пусть играют. - Играйте,

господа. – Сядь ко мне на колени, Долль. Этаким мерзкий буян! Удрал от меня, как ртуть, мерзавец! Долль Да-да. А ты обрушился на него, как церковная башня. Ах ты, мой миленький молочный поросенок с Варфоломеевской ярмарки! Когда ты наконец перестанешь драться днем и фехтовать ночью, когда начнешь чинить свое старое тело для отправки на тот свет? Входят, в глубине сцены, принц Генрих и Пойнс, переодетые трактирными слугами. Фальстаф Замолчи, милая Долль. Брось вещать на манер мертвой головы, не напоминай мне о конце. Долль Скажи мне, что за человек молодой принц? Фальстаф Добрый малый, хотя и вздорный. Из него вышел бы недурной эконоом, он неплохо бы резал хлеб. Долль Говорят, что Пойнс очень умен. Фальстаф Он-то умен? На виселицу бы этого павиана! Ум у него тяжелый, как густая тьюксберийская горчица, а остроумия в нем не больше, чем в молотке. Долль Почему же принц так его любит? Фальстаф Потому, что он такой же тонконогий, здорово играет в шары, ест морских угрей с укропом, глотает с вином огарки, играет в чехарду с мальчишками, перепрыгивает через скамейки, изящно сквернословит; потому, что сапоги сидят на нем гладко, как на вывеске, и потому, что он не вызовет ссоры, передавая сплетни. У него еще много других дурацких талантов, доказывающих слабость ума и гибкость тела, и за все это принц держит его при себе. Он сам точь-в-точь такой же. Если их поставить на чашки весов, достаточно будет и волоска, чтобы один перевесил другого. Принц Генрих Не отрубить ли уши этой колесной ступице? Пойнс Отколотим его на глазах у его шлюхи. Принц Генрих Смотри, этот истасканный старикашка заставляет чесать себе затылок, как попугай. Пойнс Разве не чудно, что желание на столько лет переживает силу? Фальстаф Поголуй меня, Долль. Принц Генрих Сатурн нынче в соединении с Венерой. Что говорит на этот счет календарь? Пойнс Посмотрите, как этот огненный Тригон, его слуга, шепчется со старой счетной книгой своего хозяина, с его памятной книжкой, с его справочником. Фальстаф Ты только притворно ласкаешь меня. Долль Ей-богу, я целую тебя от всей души. Фальстаф Стар я стал, стар... Долль Ты мне милей всех этих паршивых юнцов. Фальстаф Какой материи подарить тебе на юбку? Я получу деньги в четверг, а завтра у тебя будет новая шляпка. Спой мне веселую песенку. Уже поздно, пойдем спать. Ты забудешь меня, когда я уеду. Долль Ей-богу, ты доведешь меня до слез, если будешь говорить такое. Чтобы я хоть раз нарядилась до твоего возвращения! Ну давай дослушаем до конца. Фальстаф Эй, Франсис, хересу! Принц Генрих и Пойнс

(приближаясь) Сейчас, сейчас, сэр. Фальстаф Ба! Ты, должно быть, незаконный сын короля! А ты не брат ли Пойнса? Принц Генрих Ах ты, карта греховных земель, какую жизнь ты ведешь? Фальстаф Получше твоей. Я дворянин, а ты трактирный слуга, который только и делает, что таскает бутылки. Принц Генрих Верно, сэр, и потому я оттаскаю тебя за уши. Хозяйка Да хранит господь вашу светлость! Добро пожаловать в Лондон! Благословение господне на вашу драгоценную голову! Господи боже мой, это вы из Уэльса воротились? Фальстаф

(кладя руку на голову Долль) Клянусь бранным телом и зараженной кровью этого создания, я рад тебя видеть, непотребный и безумный отпрыск царственного древа. Долль Что такое, жирный дуралей? Плевать я хочу на тебя! Пойнс Милорд, он увильнет от наказания и обратит все в шутку, если вы не отколотите его сгоряча. Принц Генрих Ах ты, грязная куча сала! Что за пакости ты говорил обо мне при этой честной, добродетельной, благовоспитанной даме? Хозяйка Да благословит вас господь за вашу доброту! Она и в самом деле такая. Фальстаф Разве ты слышал? Принц Генрих Да, и ты, конечно, узнал меня, как и в тот раз, когда бежал от меня в Гедсхиле. Ты знал, что я стою у тебя за спиной, и говорил все это нарочно, чтобы испытать мое терпение. Фальстаф Нет-нет, ничего подобного: я не подозревал, что ты все это слышишь. Принц Генрих Я заставлю тебя сознаться, что ты умышленно оскорбил меня, и тогда – я уж знаю, как с тобой поступить. Фальстаф Я тебя не оскорблял, Хел; клянусь честью, и не думал оскорблять. Принц Генрих Как! Разве ты не говорил, что я эконоом, что я гожусь лишь на то, чтобы резать хлеб, и еще бог знает что? Фальстаф Я не оскорблял тебя, Хел. Пойнс Как это так – не оскорблял? Фальстаф Не оскорблял, Нед, уверяю тебя; вовсе не оскорблял, достойный Нед. Я говорил о нем дурно при падших созданиях, чтобы эти падшие создания не вздумали его полюбить. Делая это, я поступал как заботливый друг и верноподданный, и твой отец должен быть благодарен мне за это. Никакого оскорбления, Хел, никакого, Нед, уверяю вас, дети мои. Принц Генрих Сознайся, что сейчас только из страха, единственно лишь из трусости ты оскорбляешь рту достойную даму, чтобы примириться с нами! Это она-то падшее создание? И твой паж тоже падшее создание? И честный Бардольф, у которого нос так и пылает рвением, тоже, по-твоему, падшее создание? Пойнс Отвечай, гнилой пень, отвечай. Фальстаф Дьявол отметил Бардольфа неизгладимой печатью, и лицо его служит Люциферу



плитой для поджаривания пьяниц. Что касается пажа, то, хотя ангел-хранитель еще не совсем его покинул, дьявол порядком его одолевает. Принц Генрих Ну, а женщины? Фальстаф Одна из них уже давно в аду и поджаривает там бедных грешников. Что касается другой, то я ей задолжал и не знаю, попадет ли она за это в ад. Хозяйка Ручаюсь, что нет. Фальстаф Да, я тоже думаю, что нет: я полагаю, что ты за это и так достаточно поплатилась. Но за тобой водится другой грех: ты противозаконно кормишь своих посетителей мясом; за это, я думаю, тебе придется-таки повить. Хозяйка Да ведь все трактирщики так поступают. Великое дело – одна или две бараньи лопатки за весь пост! Принц Генрих Вы, сударыня... Долль Что скажете, ваша светлость? Фальстаф Его светлость хочет сказать такое, против чего возмущается вся его плоть. Стук в дверь. Хозяйка Кто это там стучит так громко? Посмотри, Франсис. Входит Пето. Принц Генрих Какие вести, Пето? Пето В Уэстминстере король, родитель ваш.

До двадцати измученных гонцов  
Примчались с севера; а по дороге  
Я обогнал десяток капитанов:  
Без шапок, все в поту, они стучатся  
В трактиры и питейные дома  
И всюду ищут, где сэр Джон Фальстаф. Принц Генрих Мне стыдно, Пойнс, что я теряю даром

Здесь время драгоценное, когда  
Гроза восстанья собралась над нами.  
Как тучи, что приносит южный ветер.  
И дождь вот-вот застигнет нас врасплох.  
Мой плащ и шпагу. – Доброй ночи, Джек. Принц Генрих, Пойнс, Пето и Бардольф уходят. Фальстаф Перед нами самый лакомый кусочек ночи, и нам надобно уходить, не отведав его! Стук в дверь. Опять стучат. Входит Бардольф. Бардольф Вас требуют сейчас же ко двору;

Ждут у дверей с десяток капитанов. Фальстаф  
(пажу) Заплати музыкантам, малый. – Прощай, хозяйка. – Прощай, Долль. Вот видите, мои милые, как гоняются за достойными людьми. Человек недостойный может себе спокойно спать, а дельных людей сразу же – за бока. Прощайте, милые бабенки. Если меня не отправят тотчас же, я еще повидаюсь с вами. Долль Говорить невмочь... Сердце так и разрывается... Ну, прощай, дорогой Джек, смотри береги себя. Фальстаф Прощайте, прощайте. Фальстаф и Бардольф уходят, Хозяйка Ну, счастливого тебе пути. Когда зазеленеет горох, исполнится двадцать девять лет, как я с тобой знакома. Уж такой честный, верный человек... Ну, счастливого тебе пути. Бардольф

(за сценой) Миссис Тершит! Хозяйка Что там такое? Бардольф  
(за сценой) Скажите миссис Тершит, чтобы она шла к моему хозяину. Хозяйка О беги, Долль, беги! Беги со всех ног, милая Долль! Долль всхлипывает. Да идешь ты, что ли, Долль? Уходят. АКТ III СЦЕНА 1 Уэстминстер. Дворец. Входит король Генрих в ночном одеянии, за ним – паж. Король Генрих Позвать мне графов Уорика и Серри.

Но, прежде чем прийти, пусть эти письма  
Они прочтут и вникнут в них; спешу. Паж уходит. О, сколько подданных моих беднейших

Спокойно спят сейчас! – О сон, о милый сон!

Хранитель наш, чем я тебя вспугнул,  
Что ты не хочешь мне смежить ресницы?

Зачем охотнее приходишь ты  
На жесткую постель в лачуге дымной,  
Где дремлешь под жужжанье мух ночных,  
Чем в ароматные чертоги знатных,  
На ложе пышное под балдахинном,  
Где сладостные звуки нежат слух?

Божок ленивый, ты приходишь к черни  
На грязный одр, а с царственного ложа  
Бежишь, как если б сторож колотушкой  
Иль колокол набатный гнал тебя.

Зачем над бездной на вершине мачты

Глаза смыкаешь незаметно юнге,

Укачивая в колыбели моря,

Когда хватает ураган свирепый

За гребни разъяренные валы,

Чудовищные головы лохматит

И к облакам вздымает с диким ревом,

Который пробудил бы мертвеца?

Как можешь ты, пристрастный сон, баюкать

Промокшего до нитки юнгу в бурю,

А в тихий, безмятежный час ночной,  
Когда к тебе располагает все,  
Отказываешь королю в покое?  
Счастливым, мирно спи, простолюдin!  
Не знает сна лишь государь один. Входят Уорик и Серри. Уорик Привет мой,  
государь, и с добрым утром. Король Генрих Как? Разве утро, лорды? Уорик  
Второй уж час пошел. Король Генрих Тогда и вам скажу я: с добрым утром.  
Прочли вы письма, что послал я вам? Уорик Да, государь. Король Генрих Тогда  
вы поняли, каким недугом  
Поражено все тело государства;  
Болезнь растет и угрожает сердцу. Уорик Но это временное лишь растройство,  
И можно возратить стране здоровье  
Советом благотворным и лекарством;  
Остынет скоро лорд Нортемберленд. Король Генрих О господи, когда б могли  
прочсть  
Мы книгу судеб, увидеть, как время  
В своем круговращенье сносит горы,  
Как, твердостью наскучив, материк  
В пучине растворится, иль увидеть,  
Как пояс берегов широким станет  
Для чресл Нептуновых; как все течет  
И как судьба различные напитки  
Вливает в чашу перемен! Ах, если б  
Счастливым юноша увидеть мог  
Всю жизнь свою – какие ждут его  
Опасности, какие будут скорби,  
Закрыв бы книгу он и тут же умер.  
Прошло лишь десять лет,  
Как с Ричардом дружил Нортемберленд;  
С ним пировал он, а спустя два года  
Меж ними разгорелась уж война;  
Лишь восемь лет назад был Перси мне  
Всех ближе, обо мне радел как брат,  
Любовь и жизнь к моим ногам слагая;  
Пылая рвением, Ричарду в лицо  
Он бросил вызов. Кто из вас, милорды,  
При этом был?  
(Уорику.)  
Не вы ль, кузен мой Невиль?  
Когда сквозь слезы Ричард, подвергаясь  
Злым оскорблениям Нортемберленда,  
Слова пророческие произнес:  
"Нортемберленд, ты лестница; по ней  
Кузен мой Болингброк на трон восходит",  
Хоть, видит бог, об этом я не думал,  
И, если бы не нужды государства.  
Не сочетался б я вовек с величием.  
"Придет пора, – так Ричард продолжал,  
Придет пора, когда постыдный грех,  
Созревший, как нарыв, прорвется бурно".  
Так он предрек непрочность нашей дружбы  
И все, что происходит в наши дни. Уорик Есть в жизни всех людей порядок  
некий,  
Что прошлых дней природу раскрывает.  
Поняв его, предсказывать возможно  
С известной точностью грядущий ход  
Событий, что еще не родились,  
Но в недрах настоящего таятся  
Как семена, зародыши вещей.  
Их высидит и вырастит их время.  
И непреложность этого закона  
Могла догадку Ричарду внушить,  
Что, изменив ему, Нортемберленд  
Не остановится, и злое семя  
Цветок измены худшей породит.  
А почвой для нее могли служить  
Лишь вы один. Король Генрих Все это неизбежно?  
Так мужественно встретим неизбежность.  
Она теперь взывает громко к нам.  
Слыхал я, тысяч пятьдесят собрали  
Граф и епископ. Уорик Быть того не может.

Ведь все, чего страшимся мы, молва  
Удваивает, словно эхо – голос.  
Прошу, прилягте снова, государь.  
Клянусь душою, сил, что вы послали,  
Достаточно, чтоб усмирить восстанье.  
Но, чтобы успокоить вас вполне,  
Я сообщу вам верное известье:  
Глендаур скончался. Эти две недели  
Больны вы были, государь, и вредно  
Вам бодрствовать в столь неурочный час. Король Генрих я вашему последую  
совету.  
Скорей бы смуту одолеть, а там  
Направим путь, друзья, к святым местам. Уходят. СЦЕНА 2 Глостершир. Двор  
перед домом судьи Шеллоу. Входят с разных сторон Шеллоу и Сайленс, Плесень,  
Тень Бородавка, Мозгляк и  
Бычок; в отдалении – слуги. Шеллоу Пожалуйте, пожалуйста, пожалуйста, сэр.  
Дайте мне вашу руку, сэр, дайте вашу руку. Честное слово, вы ранняя пташка.  
А как вы поживаете, мой добрый кузен Сайленс? Сайленс С добрым утром,  
добрый кузен Шеллоу. Шеллоу А как поживает моя кузина, ваша дражайшая  
половина? И ваша прелестная дочь, моя крестница Элен? Сайленс Все такая же  
дикарка, кузен Шеллоу. Шеллоу А вот из моего кузена Вильяма, с позволения  
сказать, вышел, кажется, отличный студент? Он все еще в Оксфорде, не правда  
ли? Сайленс Да, сэр, и на моем иждивении. Шеллоу Пора бы уж ему в  
адвокатскую школу. Я в свое время учился в Климентовом колледже, и там до  
сих пор, наверно, вспоминают о сорванце Шеллоу. Сайленс Тогда вас называли  
"весельчаком Шеллоу", кузен. Шеллоу Боже милостивый, как только меня не  
называли! И каких только штук я не вытворял, да еще как ловко-то! Там  
учился вместе со мной маленький Джон Дойт из Стаффордшира, и черный Джордж  
Барнс, и Франсис Пикбон, и Уилл Скуил из Котсолда. Таких четырех  
головорезов не сыскать было во всех колледжах. Смею вас уверить, уж мы-то  
знали, где раки зимуют, и к нашим услугам были всегда самые лучшие женщины.  
Был там еще Джек Фальстаф, ныне сэр Джон; в то время он был еще мальчишкой  
и служил пажом у Томаса Маубрея, герцога Норфолка. Сайленс Тот самый сэр  
Джон, кузен, что приехал к нам вербовать солдат? Шеллоу Тот самый сэр Джон,  
тот самый. Помню, как он на моих глазах проломил голову Скогану у ворот  
школы, когда был еще вот таким малышом. В тот самый день я еще дрался с  
Самсоном Стокфишем – фруктовщиком на задворках Греевского колледжа. Ах  
господи Иисусе, веселое было времечко! И подумать только, сколько моих  
старых приятелей уже умерло! Сайленс Все там будем, кузен. Шеллоу  
Разумеется, разумеется, совершенно верно, совершенно верно. Смерть, как  
сказал псалмопевец, есть удел каждого: все мы умрем. А в какой цене пара  
добрых волов на Стемфордской ярмарке? Сайленс Право, кузен, не знаю; я там  
не был. Шеллоу Да, от смерти не уйдешь. А что, жив еще старик Дебл, ваш  
земляк? Сайленс Умер, сэр. Шеллоу Ах, господи Иисусе, умер! Он отлично  
стрелял из лука. И вдруг умер... Да, отменный был стрелок. Джон Гант очень  
его любил и, бывало, ставил на него большие заклады. Умер!.. Он попадал в  
цель с двухсот сорока шагов, а легкую стрелу пускал с двухсот семидесяти;  
поглядеть на него – душа радовалась. А почему теперь овцы? Сайленс Смотря по  
товару. Два десятка добрых овец идут за десять футов. Шеллоу Так старик  
Дебл умер? Сайленс Вот идут, кажется, двое из отряда сэра Джона Фальстафа.  
Входит Бардольф с одним из солдат. Бардольф С добрым утром, почтенные  
джентльмены. Будьте добры сказать, кто из вас судья Шеллоу. Шеллоу Я Роберт  
Шеллоу, сэр, скромный эсквайр здешнего графства и королевский мировой  
судья. Чем могу служить? Бардольф Мой капитан, сэр, свидетельствует вам  
свое почтение. Мой капитан, сэр Джон Фальстаф – видный дворянин, клянусь  
небом, и отважный полководец. Шеллоу Благодарю за поклон. Я знал его как  
славного рубаку. Как поживает добрейший рыцарь? Осмелюсь спросить, как  
здоровье миледи его супруги. Бардольф Простите, сэр, но солдату  
предпочтительнее обходиться без жены. Шеллоу Хорошо сказано, честное слово,  
сэр. В самом деле хорошо сказано. Предпочтительнее обходиться без жены?  
Превосходно! Да, так оно и есть. Отличные изречения всеми ценятся и всегда  
ценились. "Предпочтительнее" ведь это происходит от слова "почтительнее".  
Отличное изречение. Бардольф Прошу прощения, сэр, это словцо мне доводилось  
слышать. "Изречение", говорите вы? Клянусь дневным светом, я не знаю  
никаких "изречений". Но, что касается слов, сказанных мною, я готов своим  
мечом доказать, что это истинно солдатские слова, под стать любому  
командиру, клянусь небом! "Предпочтительнее" – это значит, когда человек,  
как говорится, предпочитает... Или когда человек находит, что он  
предпочитает... или, еще вернее, думает, что предпочитает, – а это самое  
главное. Шеллоу Совершенно верно. Входит Фальстаф. А вот и добрейший сэр  
Джон! Вашу руку, вашу почтенную руку, сэр. Честное слово, у вас отличный

вид, и вы молодо выглядите для своих лет. Добро пожаловать, добрейший сэра Джон! Фальстаф Очень рад видеть вас в добром здоровье, дорогой мистер Роберт Шеллоу. Мистер Шуркард, если не ошибаюсь? Шеллоу Нет, сэра Джон, это кузен Сайленс, мой сослуживец. Фальстаф Добрейший мистер Сайленс, вам весьма к лицу такая мирная должность, как мирового судьи. Сайленс Благодарю покорно вашу милость. Фальстаф Фу, какая жара! Ну что же, господа, приготовили вы мне с полдюжины годных рекрутов? Шеллоу Разумеется, приготовили, сэра. Не угодно ли вам присесть? Фальстаф Покажите мне, пожалуйста, рекрутов. Шеллоу Где список? Где список? Где список? Дайте взглянуть, дайте взглянуть. Так, так, так, так. Да, сэра, именно так. Релф Плесень. Я буду их выкликать, и пусть они выходят, пусть выходят, пусть выходят. Посмотрим. Где же Плесень? Плесень Я здесь, с вашего разрешения. Шеллоу Что скажете, сэра Джон? Парень недурно сложен, молодой, крепкий и из хорошей семьи. Фальстаф Тебя зовут Плесень? Плесень Да, с вашего разрешения. Фальстаф Так пора тебя встряхнуть. Шеллоу Ха-ха-ха! Превосходно, ей-богу! Ведь вещи покрываются плесенью, когда залежатся. Замечательно! Честное слово, прекрасно сказано, сэра Джон, отлично сказано. Фальстаф

(к Шеллоу) Отметьте его. Плесень Довольно уже меня метили, пора бы меня оставить в покое. Моя старуха без меня совсем пропадет. Разве ей одной управиться с хозяйством да со всей работой? Нечего вам меня метить, найдутся молодцы более пригодные для этого дела, чем я. Фальстаф Ну, помалкивай, Плесень. Мы тебя забираем. Пора тебя встряхнуть, Плесень. Плесень Встряхнуть! Шеллоу Молчи, приятель, молчи! Стань в сторонку. Или ты позабыл, где находишься? – Перейдем к следующему, сэра Джон. Посмотрим, посмотрим... Симон Тень! Фальстаф Черт возьми, хорошо бы сейчас посидеть к тени. Думается мне, из него выйдет хладнокровный солдат. Шеллоу Где Тень? Тень Здесь, сэра. Фальстаф Тень, чей ты сын? Тень Моей матери, сэра. Фальстаф Сын своей матери? Это весьма вероятно. И к тому же тень своего отца: ведь сын женщины есть тень мужчины, а не его подобие. Да, частенько так бывает. Шеллоу Как он вам нравится, сэра Джон? Фальстаф Тень пригодится летом: отметьте его. У нас уже немало теней в списках. Шеллоу Томас Бородавка! Фальстаф Где он? Бородавка Здесь, сэра. Фальстаф Тебя зовут Бородавкой? Бородавка Да, сэра. Фальстаф Ты, я вижу, препаршивая бородавка. Шеллоу Отметить и его, сэра Джон? Фальстаф В этом нет надобности; ведь одежда висит на нем, как на шесте, и ноги у него как две черточки, – он и так смахивает на отметку в списке. Шеллоу Ха-ха-ха! Славная шутка, сэра, славная шутка! Bravo, bravo! – Франсис Мозгляк! Мозгляк Здесь, сэра. Фальстаф Ты каким ремеслом занимаешься. Мозгляк? Мозгляк Я женский портной, сэра. Шеллоу Отметить и его, сэра? Фальстаф Отметьте. Но, будь он мужской портной, он бы сам разметил нас мелом. Что, сделаешь ты в неприятельских рядах столько прорех, сколько наделал в женских юбках? Мозгляк Изо всех сил постараюсь, сэра. Уж будете мною довольны. Фальстаф Хорошо сказано. Молодец, женский портной! Хорошо сказано, храбрый Мозгляк. Ты будешь столь же отважен, как разъяренный голубь или доблестная мышь. Отметьте женского портного, мистер Шеллоу, да получше, покрепче. Мозгляк Хотелось бы мне, чтобы и Бородавку забрали. Фальстаф Хотелось бы мне, чтобы ты был мужским портным, тогда бы ты его починил и сделал годным для маршировки. Я не могу сделать простым солдатом того, кто ведет за собой целую армию. Удовлетворись этим, грозный Мозгляк. Мозгляк Понял, сэра. Фальстаф Благодарю тебя, почтеннейший Мозгляк. – Кто следующий? Шеллоу Питер Бычок с лужка. Фальстаф Ну, посмотрим на Бычка. Бычок Здесь, сэра. Фальстаф Ей-богу, видный парень! – Отметьте Бычка, пока он не заревел. Бычок О господи! Добрейший господин капитан!.. Фальстаф Как! Тебя еще не отметили, а ты уже ревешь? Бычок О господи! Я больной человек, сэра! Фальстаф Какая же у тебя болезнь? Бычок Проклятая простуда, сэра; кашель, сэра. Я схватил его на королевской службе – в день коронации, сэра, когда звонил на колокольне. Фальстаф Ладно, ты отправишься на войну в халате. Мы выгоним из тебя простуду, я распоряджусь, чтобы твои друзья звонили по тебе. – Все теперь? Шеллоу Я вызвал на два человека больше, чем вам требовалось, вам надобно только четырех, сэра. – А теперь прошу ко мне отобедать. Фальстаф Я готов выпить с вами, а обедать мне некогда. Честное слово, я рад был свидеться с вами, мистер Шеллоу. Шеллоу О сэра Джон, помните, как мы с вами провели ночь на ветряной мельнице на Сент-Джорджских лугах? Фальстаф Лучше не вспоминать об этом, добрейший мистер Шеллоу, лучше не вспоминать. Шеллоу Веселая была ночка! А что, Дженни Ночная Пташка еще жива? Фальстаф Жива, мистер Шеллоу. Шеллоу никак ей не удавалось сладить со мной. Фальстаф Никак. Она, бывало, говорила: "Терпеть не могу мистера Шеллоу". Шеллоу Клянусь мессой, я умел бесить ее. Славная была бабенка. Ну что, она еще держится? Фальстаф Постарела, сильно постарела, мистер Шеллоу. Шеллоу Понятно, что постарела. Да как же ей не быть старой? Ведь у нее уже был сын Робин Найтуэрк от старого Найтуэрка, прежде чем я поступил и

Климентов колледж... Сайленс Это было пятьдесят пять лет назад. Шеллоу Да, кузен Сайленс. если б ты только знал, что мы перевидали с этим джентльменом на своем веку! Верно я говорю, сэр Джон? Фальстаф Да, частенько мне приходилось слышать, как бьет полночь, мистер Шеллоу. Шеллоу Приходилось, приходилось, сэр Джон, ей-богу, приходилось. Нашим лозунгом было: "Не зевай, ребята!" Ну, идемте обедать, идемте обедать. Господи, вот славное было времечко! Идемте, идемте. Фальстаф, Шеллоу и Сайленс уходят. Бычок Добрейший господин капитан Бардольф, замолвите за меня словечко, и вот вам за это четыре монеты по десяти шиллингов французскими кронами. Честное слово, сэр, для меня идти на войну – все равно что на виселицу. О себе самом, сэр, я и хлопотать бы не стал, но потому как мне больно неохота, и уж очень мне желательно с друзьями остаться; не будь этого, сэр, я бы нипочем не стал о самом себе хлопотать. Бардольф Ладно, отойди в сторонку. Плесень Добрейший господин капрал-капитан, ради моей старухи замолвите за меня словечко. Ежели я уйду, то некому будет по хозяйству работать, а она у меня старенькая и сама не может управиться. Я дам вам сорок шиллингов, сэр. Бардольф Ладно, отойди в сторонку. Мозгляк Ей-богу, мне все нипочем: смерти не миновать. Ни и жизнь не стану труса праздновать. Суждено умереть – ладно, не суждено – еще лучше. Всякий должен служить своему государю, и, что бы там ни было, а уж тот, кто помрет в этом году, застрахован от смерти на будущий. Бардольф Хорошо сказано. Ты молодец. Мозгляк Ей-богу, не стану я труса праздновать. Входят Фальстаф, Шеллоу и Сайленс. Фальстаф Ну, сэр, кого же из них мне забирать? Шеллоу Четверых, по вашему усмотрению.

Бардольф

(тихо, Фальстафу) Сэр, на два слова. Я получил три фунта, с тем чтобы освободить Плесень и Бычка. Фальстаф Ладно, пусть будет так. Шеллоу Ну, сэр Джон, кого же вы выберете? Фальстаф Выбирайте вы за меня. Шеллоу Хорошо. Возьмите Плесень, Бычка, Мозгляка и Тень. Фальстаф Плесень и Бычка? Ты, Плесень, оставайся дома, пока не придешь в полную негодность. А что до тебя, Бычок, то тебе еще надо подрасти для службы. Вы оба мне не нужны. Шеллоу Сэр Джон, сэр Джон, вы действуете в ущерб себе. Эти двое – самые лучшие, а мне хотелось, чтобы у вас были под началом отборные солдаты. Фальстаф Уж не собираетесь ли вы, мистер Шеллоу, учить меня, как выбирать солдат? Велика важность – сложение, сила, статность, рост, осанка! Мне важен дух солдата, мистер Шеллоу! Возьмите Бородавку. С виду – совсем жалкий оборванец. Но поверьте, он будет заряжать и разряжать ружье быстрее, чем кузнец бьет молотом; он будет напирать и ломить вперед с быстротой малого, что катит бочку с пивом. А этот тощий парень Тень – вот каких солдат мне нужно. Неприятелю никак в него не попасть: это все равно что целиться в лезвие перочинного ножа. А в случае отступления – как шибко побегит этот Мозгляк, женский портной! О, подавайте мне неприглядных рекрутов – и я не взгляну на ростых! – Бардольф, дай-ка Бородавке мушкет. Бардольф Держи, Бородавка. Шагом марш! Так, так, так, Фальстаф Посмотрим, как ты управляешься с мушкетом. Так, очень хорошо... Продолжай... Очень хорошо... Отлично... О, подавайте мне плюгавых, тощих, старых, сморщенных, лысых стрелков! Здорово, Бородавка, ей-богу! Ты славный прыщ. Вот тебе шесть пенсов. Шеллоу А все-таки он не мастер своего дела; еще не навострился. Помню, когда я был еще в Климентовом колледже и изображал на Артуровых играх в Майленд-Грине сэра Дагонета, там был один маленький ловкий человечек, – вот уж здорово палил из мушкета! Повернет его и так и этак, и туда и сюда, а потом прицелится – пиф-паф, трах-тарарах! – и отскочит назад, а потом опять – и туда и сюда... Этакое ловкача мне больше никогда не увидеть. Фальстаф Эти молодцы мне подходят, мистер Шеллоу. – Да хранит вас бог, мистер Сайленс; не буду тратить с вами лишних слов. – Прощайте, господа. Благодарю вас. Мне еще до ночи надо сделать добрых двадцать миль. – Бардольф, выдай новобранцам мундиры. Шеллоу Да благословит вас господь, сэр Джон! Да поможет он вам во всех делах ваших! Да пошлет нам бог мирные времена! На обратном пути заезжайте ко мне. Возобновим старое знакомство. Может статься, я отправлюсь с вами ко двору. Фальстаф Видит бог, я бы очень хотел этого, мистер Шеллоу. Шеллоу Ладно. Уж как сказано, так и будет сделано. Да хранит вас бог. Фальстаф Прощайте, благородные джентльмены. Сайленс и Шеллоу уходят. Бардольф, уведи солдат. Бардольф и рекруты уходят. Фальстаф На обратном пути уж я постригу этих судей! Насквозь нижу этого Шеллоу. Боже ты мой, до чего мы, старые люди, подвержены пороку лжи! Этот дохлый судья только и делал, что хвастал передо мной своей разгульной молодостью и своими подвигами на Торнбульской улице, и каждое третье слово было ложью, которую он подносил слушателю аккуратнее, чем платят дань турку. Я его помню в Климентовом колледже; он похож был на человечка, вырезанного в конце ужина из корки сыра. Голый он был точь-в-точь как раздвоенная редька с вырезанной наверху смешной рожей. Он был так тощ, что близорукому его нипочем бы не разглядеть. Это был

настоящий призрак голода; и притом похотлив, как мартышка, так что женщины звали его мандрагорой. Вечно он плелся в хвосте у моды и распевал обтрепанным потаскушкам песни, которые подслушивал у извозчиков, да еще при этом клялся, что сам сочинил эти романсы и серенады. И теперь эта шутовская рапира стала эсквайром и развязно говорит о Джоне Ганте, как если бы тот был ему названным братом. А я готов поклясться, что он видел его всего раз в жизни в Тильт-Ярде, когда Гант проломил ему голову за то, что он затесался в свиту лорд-маршала, Я присутствовал при этом и сказал Джону Ганту, что он отколотил свое собственное прозвище. Ведь его со всей его одежей можно было запрятать в шкурку угря; в футляре от гобоя ему было бы просторно, как в каком-нибудь дворце. А теперь у него и поместье и рогатый скот... Непременно заведу с ним дружбу, когда вернусь, и будь я не я, если не сделаю себе из него два философских камня. Если старая щука глотает молодую плотву, то, по закону природы, у меня все основания проглотить судью. Дайте срок, и все будет в порядке. (Уходит.) АКТ IV СЦЕНА 1 Йоркшир. Лес Голтри. Входят архиепископ Йоркский, Маубрей, Хестингс и другие. Архиепископ как этот лес зовется? Хестингс Голтрийский лес, коль вам угодно знать. Архиепископ Здесь остановимся и разошлем Разведчиков - узнать число врагов. Хестингс Они уже отправлены. Архиепископ Прекрасно.

Друзья мои, собратья по оружию,  
Я должен вам сказать, что получил  
Письмо недавно от Нортемберленда,  
Холодное по тону и по смыслу:  
Хотел бы, пишет, к нам примкнуть, но с войском,  
Достойным имени его и сана.

Такого не собрав, он удалился  
В Шотландию, чтоб дать созреть удаче.  
В конце письма возносит он молитву,  
Чтоб выдержало наше начинанье  
Опасности и страшный бой с врагом. Маубрей Так рухнули надежды на него,  
Разбившись в прах. Входит гонец. Хестингс Ну что, какие вести? Гонец В  
порядке стройном с запада подходит  
К нам неприятель; он от нас лишь в миле,  
И, судя по пространству, что он занял,  
В его рядах должно быть тысяч тридцать, Маубрей Как раз мы столько и  
предполагали.

Так двинемся и в поле встретим их. Входит Уэстморленд. Архиепископ Кто этот  
рыцарь в боевых доспехах? Маубрей Я полагаю, это Уэстморленд. Уэстморленд  
Вам шлет привет, желает вам здоровья  
Наш полководец герцог Джон Ланкастер. Архиепископ Так с миром говорите,  
Уэстморленд:

Чем вызван ваш приход? Уэстморленд Я речь свою  
К вам обращаю, ваше преподобье.

Когда бы в образе своем восстанье  
Явилось к нам - толпой презренной, гнусной  
Мальчишек, попрошаек, оборванцев,  
Под предводительством юнцов свирепых,  
Под знаком ярости, - я говорю,  
Когда б мятеж проклятый нам предстал  
В своем природном, подлинном обличье,  
То вы, святой отец, и вы, милорды,  
Своей прекрасной честью не прикрыли б  
Уродливую наготу кровавой  
И мерзкой смуты. Лорд архиепископ,  
Вы, чей престол храним гражданским миром,  
Чья борода в дни мира поседела,  
Чью мудрость и ученость мир вскормил,  
Чье облаченье белое - эмблема  
И голубиной чистоты и мира,  
Зачем вы переводите себя

С благословенного наречья мира  
На грубый, яростный язык войны,  
В могилы превращая ваши книги,  
Чернила - в кровь и перья ваши - в копья,  
А вдохновенный голос ваш - в трубу,  
Гремящую суровый клич войны? Архиепископ Спросили вы: зачем я сделал так?  
Вот краткий вам ответ; мы все больны;  
Излишествами и развратной жизнью  
Себя мы до горячки довели,  
И нужно кровь пустить нам. Заразившись

Той хворью, Ричард, наш король, погиб.  
Однако, благородный Уэстморленд,  
Не а качестве врача сюда я прибыл  
И не как враг спокойствия и мира  
Вступил в ряды бойцов. Нет, лишь на время  
Я принимаю грозный вид войны,  
Чтоб воздержаньем души излечить,  
Пресыщенные счастьем, от застоя  
Очистить кровь, готовую свернуться.  
Теперь я выскажусь яснее. Взвесил  
Я справедливо, на одних весах,  
Восстанья зло и зло, какое терпим,  
И перевесили страданья наши  
Предполагаемый ущерб. Мы видим,  
Куда течет поток времен, и нас  
Событий бег из мирной сферы вырвал.  
Мы перечень подробный всех обид.  
Нам причиненных, в должный час предъявим.  
Давно его представить мы хотели,  
Но не добились доступа к монарху.  
Когда желали перечислить мы  
Свои обиды, нас не допускали  
Те лица, что чинили нам обиды.  
Опасности едва минувших дней,  
Чей след еще не высохшею кровью  
Начертан на земле родной, примеры,  
Что каждый миг встречаем в наше время,  
Принудили нас меч поднять – хоть это  
И чуждо нам – не с тем, чтоб мир нарушить.  
Иль ветвь его хотя б одну сломить,  
Но чтобы мир нам подлинно упрочить  
Не только на словах, но и на деле. Уэстморленд Когда король не принял ваших жалоб?  
Чем оскорбил он вас? какие пэры  
Вас обижали по его приказу?  
Что побудило ваше преподобье  
Восстанья свиток дерзкий и кровавый  
Скрепить своей божественной печатью  
И освятить раздора ярый меч? Архиепископ Хоть государство всем нам брат, – оно  
Сейчас мне лютей враг из-за расправы,  
Постигшей моего родного брата. Уэстморленд Во мстителе здесь нет нужды,  
поверьте;  
А будь она, – вам не пристало мстить! Маубрей А почему бы не пристало нам?  
Ведь в памяти у нас еще свежи  
Удары дней былых, а в настоящем  
Мы терпим гнет неправедной руки,  
Что душит нашу честь! Уэстморленд Добрейший лорд,  
Постигнув роковую неизбежность  
Событий наших дней, вы убедитесь,  
Что ваш обидчик – время, не король.  
Но все ж мне кажется, что лично вам  
Ни наше время, ни король не дали  
Ни на волос для жалоб оснований.  
Иль вам не возвратили всех владений,  
Которые имел родитель ваш,  
Достойный, благородный герцог норфолк? Маубрей да разве мой отец права  
утратил  
И должен был я снова в них вступить?  
Король, его любивший, должен был  
Лишь силой обстоятельств, против воли  
Его изгнать. В тот миг, когда отец  
И Болингброк, привстав на стременах.  
Коней ретивых шпорой горяча,  
С копьём наперевес, спустив забрала,  
Сверкали взорами сквозь сталь решетки  
И подала труба сигнал к сраженью,  
Тогда, тогда что удержать могло бы  
Отца от смертоносного удара?  
Но бросил жезл свой государь, не зная,  
Что жизнь его на том жезле висела,

В тот миг он бросил жизнь свою и жизни  
Всех тех, кто от меча иль по доносам  
В правленье Болингброка принял смерть. Уэстморленд Пустое говорите вы, лорд  
Маубрей!  
В те времена граф Херифорд считался  
Одним из самых доблестных бойцов.  
Как знать, кому бы счастье улыбнулось?  
Но если бы отец ваш победил,  
Из Ковентри не вынес бы он славы,  
Затем что вся страна единодушно  
Его хулила, а молитвы всех  
За графа Херифорда возносились,  
Которого боготворил народ  
И чествовал превыше короля.  
Однако отклонился я от цели.  
Сюда я послан царственным вождем  
Узнать, чем недовольны вы, а также  
Сказать, что вас он выслушать согласен,  
И, коль законны требованья ваши.  
Готов он их исполнить, устранив  
Все то, что возбудило в вас вражду. Маубрей Он вынужден вступить и  
переговоры;  
И движет им расчет, а не любовь. Уэстморленд В вас говорит, лорд Маубрей,  
самоуныенье.  
Не страх таится и предложенье нашем,  
А милость. Вот пред вами наше войско:  
Оно, готов поклясться я, надежно,  
И мысль о страхе допустить нельзя.  
У нас в рядах имен блестящих больше,  
И воины искусней в ратном деле,  
Оружье лучше, выше цель, - должны  
Мы и храбрее быть. Не говорите ж,  
что вынуждено предложенье наше. Маубрей не допустил бы я переговоров.  
Уэстморленд Так, значит, стыдно вам своих поступков:  
Не выдержит гнилье прикосновенья. Хестингс Уполномочен ли принц Джон вести  
Переговоры от лица монарха.  
Принять решенье и условия мира? Уэстморленд Со званьем полководца  
неразлучны  
Все полномочья: празден ваш вопрос. Архиепископ Тогда, милорд, возьмите  
этот свиток;  
В нем перечень всех требований наших.  
Пусть все условия по статьям исполнят,  
Сторонники все наши - здесь и всюду  
Оправданы пусть будут по закону,  
Пускай подпишет принц свое согласие  
Желанья наши выполнить - и тотчас  
Мы в берега покорности вернемся,  
Рукою мира мощь свою сковав. Уэстморленд Ваш свиток принцу я вручу.  
Милорды,  
Мы на глазах у наших войск сойдемся  
И, если будет воля божья, миром  
Закончим это дело, если ж нет,  
Тогда пускай мечи на поле брани  
Решат наш спор. Архиепископ Да будет так, милорд. Уэстморленд уходит.  
Маубрей Мне говорит какой-то тайный голос,  
что прочным этот мир не может быть. Хестингс не бойтесь. Если мир мы  
заклучим  
На основанье тех определенных,  
Пространных требований, что мы ставим,  
Мир будет каменной скалы прочней. Маубрей да, но мы будем на таком счету,  
что всякий вздорный и ничтожный повод,  
нелепый, незначительный предлог  
Напомнит государю о восстанье;  
И, будь мы в верности своей готовы  
Идти на жертву за него, нас будут  
Провеивать таким суровым ветром,  
что легче станут зерна, чем мякина,  
и в нас добра не отличат от зла. Архиепископ Нет, нет, милорд. Заметьте,  
государь  
Устал от вздорных и досадных распрей.  
Он увидал, что, умертвив врага,



В наследниках двух новых наживаешь,  
И потому захочет, без сомненья,  
Он со своих табличек все стереть,  
Наветчиков из памяти изгнав,  
Чтоб не будили в нем воспоминаний  
О прежних неудачах. Он ведь знает:  
В стране не выполоть всех сорных трав,  
Как подозрительность его хотела б;  
Его друзья с врагами так сплелись,  
Что, если вырвет с корнем он врага,  
Тем самым нанесет ущерб и другу.  
Страна подобна женщине сварливой,  
Что до побоев мужа довела,  
Когда же он занес над ней кулак,  
Дитя протягивает, чтобы этим  
Карающую руку удержать. Хестингс К тому ж король переломал все розги  
О прежних оскорбителей своих;  
Теперь недостает орудий казни,  
И мощь его, как лев, когтей лишенный,  
Грозить лишь может, не терзать. Архиепископ Вы правы,  
И потому поверьте мне, лорд-маршал,  
Что если мы поладим с ним, то мир,  
Как сломанная кость, что вновь срослась,  
Прочней лишь будет впредь. Маубрей да будет так!  
Вот возвращается лорд Уэстморленд. Входит Уэстморленд. Уэстморленд Принц  
приближается. Угодно ль вам  
С ним встретиться, милорды, меж войсками? Маубрей Идемте с богом, ваше  
преподобье. Архиепископ Привет снесите принцу. Мы идем. Уходят. СЦЕНА 2  
Другая часть леса.  
Входят с одной стороны - Маубрей, архиепископ, Хестингс  
и другие, с другой - принц Джон Ланкастерский, Уэстморленд,  
офицеры и свита. Принц Джон Добро пожаловать, кузен мой Маубрей.  
Приветствую вас, лорд архиепископ,  
И вас, лорд Хестингс, как и всех других.  
Вам несравненно больше подошло б,  
Милорд архиепископ, быть среди паствы,  
Собравшейся на колокольный звон  
И проповеди внемлющей смиренно,  
Чем в этот грозный час в стальной броне  
Воспламенять крамольников толпу  
Под грохот барабанов, превращая  
Слова в мечи, а жизнь благу в смерть.  
Тот, кто владеет сердцем государя,  
Созрев под солнцем милости его,  
Коль обратит во зло его доверье,  
Ах, сколько бед он может натворить  
Под сенью королевской! Так и вы,  
Милорд архиепископ. Как глубоко  
Вы вникли в слово божье! Это было  
Известно всем. И были вы для нас  
Господнего парламента оратор;  
Для нас вы были голосом господним,  
Глашатаем, посредником усердным  
Меж благодатью, меж святыней горней  
И грешной суетой. Кто б мог поверить,  
Что вы свой сан во зло употребите,  
Воспользуетесь благодатью неба,  
Как пользуется низкий фаворит  
В делах бесчестных именем монарха?  
Под лживую личиной божьей воли  
Вы наших подданных вооружили  
На божьего наместника - монарха  
И мир небесный и земной нарушив,  
Собрали полчища. Архиепископ Добрейший принц,  
Мы не пришли нарушить мир земной  
Но, как сказал я лорду Уэстморленду,  
Година смуты нам велит, сплотившись,  
Прибегнуть к столь чудовищному средству,  
Чтоб оградить себя. Я предъявил  
Вам перечень обид, нам причиненных,  
С презреньем был отвергнут он двором,

И это породило гидру войн,  
 Чей грозный взор вы усыпить могли бы,  
 Законные исполнив наши просьбы.  
 Тогда покорность, сбросив гнет безумья,  
 К монаршим кротко склонится стопам. Маубрей А нет – мы до последней капли  
 крови  
 Сражаться будем. Хестингс Если ж мы падем,  
 Союзники подхватят наше знамя;  
 Тех перебьют – другие сменят их,  
 И будет зло плодиться; станет распря  
 Переходить из рода в род, доколе  
 В стране рождаться будут поколенья. Принц Джон Вы чересчур, лорд Хестингс,  
 близоруки,  
 Чтоб в даль веков грядущих прозревать. Уэстморленд Угодно ль высказать вам,  
 ваша светлость,  
 Как смотрите вы на условия их? Принц Джон Я одобряю все, и принимаю,  
 И честью рода нашу клянусь,  
 Что ложно поняли монарха волю  
 И что иные из придворных наших  
 Употребили власть его во зло.  
 Милорд, исправлено все будет скоро,  
 Клянусь душой. Если вы довольны,  
 Своих солдат по графствам распустите;  
 Поступим так же мы. И меж войсками  
 Мы выпьем вместе, дружески обнявшись,  
 Чтоб всякий подтвердил, придя домой,  
 Что восстановлены приязнь и мир. Архиепископ Мне ваше слово, принц, порукой  
 служит. Принц Джон Даю охотно слово и сдержу,  
 Я за здоровье ваше пью сейчас. Хестингс  
 (одному из офицеров) Ступайте, возвестите мир войскам;  
 Пускай заплатят им и всех распустят;  
 Им это будет в радость. Поспешите. Офицер уходит. Архиепископ Я пью за вас,  
 достойный Уэстморленд. Уэстморленд А я, милорд, за вас. Когда б вы знали,  
 Каких трудов мне стоит этот мир,  
 Охотней пили б вы. Я полагаю,  
 В моей любви вы скоро убедитесь. Архиепископ не сомневаюсь в ней.  
 Уэстморленд Душевно рад.  
 Здоровье ваше пью, кузен лорд Маубрей. Маубрей Мне вовремя желаете  
 здоровья:  
 Внезапно стало как-то худо мне. Архиепископ Перед напастью люди веселы,  
 А тяжесть в сердце предвещает счастье. Уэстморленд Так будьте веселы; порыв  
 печали  
 Внушает вам, чтоб радости вы ждали. Архиепископ Поверьте, у меня легко на  
 сердце. Маубрей Тем хуже, если правильна примета, За сценой крики. Принц  
 Джон Объявлен мир. Вы слышите – ликуют? Маубрей Услышать бы победы  
 ликованье! Архиепископ С победою одной природы мир:  
 В нем обе стороны покорены,  
 Но без потерь. Принц Джон Ступайте, Уэстморленд,  
 И наше войско также распустите. Уэстморленд уходит. Милорд, давайте мы  
 солдатам нашим  
 Прикажем здесь пройти, чтоб увидеть  
 Противников недавних. Архиепископ Пусть, лорд Хестингс,  
 Пред тем как разойтись, пройдут пред нами. Хестингс уходит. Принц Джон  
 Надеюсь, ночь мы вместе проведем? Входят Уэстморленд. Что ж наша армия  
 стоит недвижно? Уэстморленд Вы им стоять велели – не уйдут,  
 Пока от вас приказа не получат. Принц Джон Они свой знают долг. Входит  
 Хестингс. Хестингс Милорд, рассеялось все наше войско:  
 Как распряженные быки – спешат  
 На юг, на север, запад и восток;  
 Как школьники, которых отпустили,  
 Стремятся кто домой, кто на забавы. Уэстморленд Весть добрая; в награду за  
 нее  
 Вас арестую, Хестингс, за измену,  
 А также вас, епископ и лорд Маубрей. Маубрей Достойно ль, честно ли так  
 поступать? Уэстморленд А заговор честней? Архиепископ Где ж верность слову?  
 Принц Джон Не давал я слова;  
 Лишь обещал я сделать улучшения,  
 Каких вы требовали, и клянусь  
 Я все исполню свято. Что до вас,  
 Изменники, готовьтесь встроить кару  
 За действия свои и за восстанье.

Мятеж был вздорен: глупо было рать  
Вести на нас, безумно – распускать.  
Бить и барабан, преследовать ораву!  
Не нам, а господу победы слава!

До плахи их сберечь; на ложе том

Измена дух испустит со стыдом. Уходят. СЦЕНА 3 Другая часть леса.

Шум битвы. Стычки.

Встречаются Фальстаф и сэра Джон Кольвиль. Фальстаф Как ваше имя, сэра?

Скажите, пожалуйста, какого вы звания и откуда родом? Кольвиль Я рыцарь,

сэра, и зовут меня Кольвиль из Долины. Фальстаф Ну, хорошо: имя ваше –

Кольвиль, звание – рыцарь, а место жительства долина. Имя Кольвиль

останется и впредь за вами, но отныне ваше звание будет изменник, а место

жительства – тюрьма; там достаточно глубокие подвалы, так что вы

по-прежнему будете Кольвилем из Долины. Кольвиль Не вы ли сэра Джон

Фальстаф? Фальстаф Кем бы я ни был, сэра, я не хуже его. Что же, сдаетесь

вы, сэра, или мне придется потеть из-за вас? Если так, то капли моего пота

станут слезами ваших близких, оплакивающих вашу смерть. Итак, повергшись в

страх и трепет и умоляя меня о пощаде. Кольвиль Мне думается, вы сэра Джон

Фальстаф, и потому я сдаюсь вам. Фальстаф У меня в утробе целая куча

языков, и они всем и каждому выбалтывают мое имя. Будь у меня брюхо хоть

сколько-нибудь обыкновенных размеров, я был бы самым проворным малым во

всей Европе. Моя утроба губит меня. – А вот и ваш полководец. Входят принц

Джон Ланкастерский, Уэстморленд, Блент

и другие. Принц Джон Жар миновал. Погоню прекратить;

Трубить отбой велите, Уэстморленд. Уэстморленд уходит. Фальстаф, где были

вы все это время?

Когда все кончено, вы появились.

Клянусь, проделки эти вас заставят

У виселицы проломить хребет. Фальстаф Странно было бы, милорд, если бы

этого не случилось. Известно, что хула и попреки всегда служат наградой за

доблесть. Что же я, по-вашему, ласточка, стрела или пушечное ядро? Разве я,

несчастный старик, могу мчаться с быстротой мысли? Я спешил сюда сломя

голову, загнал больше ста восьмидесяти почтовых лошадей, прискакал сюда и,

хоть весь еще в дорожной пыли, тут же проявил высокую героическую доблесть,

взяв в плен сэра Джона Кольвиля из Долины, бешеного рыцаря и доблестного

противника. По мне это ничто! Он увидел меня и сдался, так что я, по

чести, могу сказать вместе с крюконосым римским молодцом: "Пришел, увидел,

победил". Принц Джон Вы обязаны этим скорее его учтивости, чем своей

доблести. Фальстаф Но я знаю только одно. Вот он, я вам его передаю и прошу

вашу милость записать мой подвиг наряду с другими деяниями сегодняшнего

дня, а не то, клянусь богом, я велю сложить особую балладу, а над заглавием

изобразить Кольвиля, целующего мой ноги. Если вы меня к этому принудите,

то, клянусь словом дворянина, вы все покажетесь рядом со мной позолоченными

грошами и мне удастся на ярком небе славы затмить вас, как полная луна

затмевает небесные светила, которые кажутся по сравнению с ней булавочными

головками. Поэтому воздайте мне должное, и пусть доблесть будет

превознесена. Принц Джон Твоя доблесть слишком тяжела, чтобы ее возносить.

Фальстаф Так пусть она воссияет. Принц Джон Она слишком мутна, чтобы сиять.

Фальстаф Делайте с ней что угодно, добрейший принц, называйте ее как

хотите, лишь бы мне это послужило на пользу. Принц Джон Так ты зовешься

Кольвиль? Кольвиль Да, милорд. Принц Джон Ты, Кольвиль, всем известный

бунтовщик. Фальстаф А в плен его взял всем известный верноподданный.

Кольвиль Таков же я, как и мои вожди,

Приведшие меня; будь я начальник,

Дороже обошлась бы вам победа. Фальстаф Не знаю, за сколько они себя

продали, но ты, добрый малый, отдался мне даром, за что я и приношу тебе

благодарность. Входит Уэстморленд. Принц Джон Прекращена погоня?

Уэстморленд Бьют отступление, кончилась расправа. Принц Джон И Кольвиля и

присных всех его

Отправить в Йорк и там казнить немедленно.

Вам поручаю, Блент, его стеречь. Кольвиль под стражей и Блент уходит. Мы ко

двору отправимся, милорды.

Слыхал я; тяжело болен государь;

Вест о победе пусть опередит нас.

(Уэстморленду.)

Кузен, ее снесите королю,

Чтобы его утешить и ободрить,

А мы за вами следом поспешим. Фальстаф Милорд, позвольте мне направить путь

Чрез Глостершир, а возвратясь домой,

Меня не обойдите похвалой. Принц Джон Прощайте, сэра. Мне сан велит о вас

дать лучший отзыв, чем вы заслужили.

(Уходит.) Фальстаф дай бог, чтобы у тебя хватило на это ума; это было бы почище твоего герцогства. Клянусь честью, этот рассудительный юнец недолюбливает меня. Его ни за что на свете не рассмешишь; да это и не удивительно: ведь он не пьет вина. Из таких благодетельных юношей никогда не получается толку. Легкие напитки и пристрастие к рыбным блюдам до того охлаждают им кровь, что они впадают в какую-то мужскую бледную немочь, а когда женятся, то производят на свет одних девчонок. Большею частью они дураки и трусы. Пожалуй, некоторые из нас недалеко бы от них ушли, если бы не прибегали к горячительным напиткам. Добрый херес производит двоякое действие: во-первых, он ударяет вам в голову и разгоняет все скопившиеся в мозгу пары глупости, мрачности и грубости, делает ум восприимчивым, живым, изобретательным, полным легких, пылких, игривых образов, которые передаются языку, от чего рождаются великолепные шутки. Второе действие славного хереса состоит в том, что он согревает кровь; ведь если она холодная и неподвижная, то печень становится бледной, почти белой, что всегда служит признаком малодушия и трусости; но херес горячит кровь и гонит ее по всему телу. Она воспламеняет лицо, которое, как сигнальный огонь, призывает к оружию все силы человека, этого крохотного королевства; и вот полчища жизненных сил и маленькие духи собираются вокруг своего предводителя - сердца, и оно, раззадорившись и гордясь такой свитой, отваживается на любой подвиг, - и все это от хереса. Таким образом, военное искусство - ничто без хереса, ибо он приводит его в действие, а ученость - не более как золотой клад, оберегаемый дьяволом, пока херес не выведет ее на свет и не пустит в ход и оборот. Потому-то и храбр принц Гарри, что холодную кровь, унаследованную им от отца, он, словно тощую и бесплодную почву, утучнил, оросил и обработал усердными выпивками, вливая в себя кружку за кружкой благодатного хереса. Вот почему он горячий и храбрый. Будь у меня хоть тысяча сыновей, я первым делом внушил бы им следующее жизненное правило: избегать легких напитков и пить как можно больше хересу. Входит Бардольф. Ну что, Бардольф? Бардольф Войско распушено, и все разошлись по домам. Фальстаф Пускай себе! Я отравлюсь через Глостершир и там навещу мистера Роберта Шеллоу, эсквайра. Я уже порядком размял его между пальцами и скоро буду запечатывать им письма. Идем. Уходят. СЦЕНА 4 Уэстминстер.

Иерусалимская палата.

Входят король Генрих, Кларенс, Глостер, Уорик

и другие. Король Генрих Коль даст господь со смуту покончить, что кровью обагрывает наш порог.

Мы юношество наше поведем

На те поля, где нам пристало биться,

И обнажим лишь освященный меч,

Наш флот готов, и собраны войска;

Избрали мы наместников себе;

Благоприятно все желаньям нашим;

Лишь сил телесных нам недостает,

Да надо подождать, пока повстанцы

Не подпадут ярму законной власти. Уорик Здоровье и победа, государь,

Придут к вам скоро. Король Генрих Сын мой Хемфри Глостер,

Где принц, твой старший брат? Глостер Мне говорили,

Отправился он в Виндзор на охоту. Король Генрих А с кем? Глостер Не знаю,

добрый государь, Король Генрих Не с братом Кларенсом поехал он? Глостер

Нет, государь, брат Кларенс перед вами. Кларенс Чего желает государь отец

мой? Король Генрих Тебе добра, мой сын. Но почему

Не с братом ты? Тебя он очень любит,

А ты меж тем пренебрегаешь им.

Всем братьям он тебя предпочитает.

Ты должен дорожить его любовью;

И братьям много принесешь добра.

Когда меня не станет, - как посредник

Меж ними и величьем королевским.

Так не чуждайся брата, не теряй

Всех преимуществ милости монаршей,

Холодным равнодушьем к братней воле

В его груди не притупляй любви.

Он добр, когда внимательны к нему,

И слезы жалости легко роняет:

Как день, его рука щедра на благо.

Но в гневе он становится кремнем,

Суров и необуздан, как зима,

Порывист, словно ветер леденящий,

Что налетает на пороге дня.

С характером его считается нужно;  
За промахи почтительно кори,  
И лишь тогда, когда в нем кровь играет;  
Но если он угрюм, оставь его,  
Пока, набушевавшись, не замрут  
В нем страсти, как на берегу морском  
Кит издыхает. Томас, помни это  
И станешь для друзей щитом, а братьев  
Ты свяжешь, словно обруч золотой.  
Чтоб не дал течь сосуд с их общей кровью,  
Куда примешан будет неизбежно  
Со временем наветов лютей яд.  
Пусть выдержит сосуд - будь яд сильней,  
Чем аконит, губительней, чем порох. Кларенс Внимателен и ласков буду с  
братом. Король Генрих Так почему ж не в Виндзоре ты с ним? Кларенс Там нет  
его: он в Лондоне сегодня  
Обедает. Король Генрих А с кем? Тебе известно? Кларенс Да, государь, с ним  
Пойнс и все любимцы. Король Генрих На тучной почве сорняки обильны;  
Он, юности моей прекрасный образ,  
Опутан ими: потому я с грустью  
В грядущее бросаю взгляд пред смертью.  
Кровавыми слезами плачет сердце,  
Лишь я представлю гнусную пору,  
Гнилые времена, что к нам нагрянут,  
Едва усну я с предками моими.  
Когда разгул не будет знать узды,  
Когда лишь гнев и пыл дружить с ним станут.  
Когда войдет его распутство в силу,  
О, как помчится он на крыльях страсти  
К опасностям и страшному паденью! Уорик Вы судите о нем, король, превратно;

Товарищей своих он изучает.  
Лишь как язык чужой: чтоб овладеть им,  
Необходимо заучить порою  
И самые нескромные слова.  
В дальнейшем, как известно, с отвращеньем  
Их избегают. Так и принц наш бросит  
Со временем, как площадную брань,  
Своих друзей; о них воспоминанье  
Ему послужит образцом и меркой,  
Чтобы судить верней о прочих людях;  
Былое зло пойдет ему на пользу. Король Генрих Нет, пчелы редко покидают  
падаль,  
Где мед их сложен. Входит Уэстморленд. Кто там? Уэстморленд? Уэстморленд  
Здоровья вам и много дней счастливых  
Вдобавок к тем вестям, что я привез!  
Принц Джон, ваш сын, целует руку вам;  
Епископ, Маубрей, Хестингс и другие  
Подверглись каре вашего закона,  
Крамолы меч в ножны надежно вложен,  
И всюду расцвела олива мира.  
О том, как все произошло, прочтете  
Подробно в донесенье, государь. Король Генрих Ты птица вешняя, мой  
Уэстморленд,  
Что на исходе зимних бурь вещает  
Рожденье дня. Входит Харкорт. А вот еще известья. Харкорт Храни вас небо от  
врагов, король!  
Когда ж они восстанут, пусть падут,  
Как те, о ком пришел я сообщить.  
Узнайте: разгромил шериф Йоркширский  
Объединенные войска шотландцев  
И англичан, которых в бой вели  
Нортемберленд могучий и лорд Бардольф.  
О том, как битва шла, благоволите  
В посланье этом, государь, прочесть. Король Генрих Что ж худо мне от  
радостных вестей?  
Иль не приходит никогда фортуна  
С руками, полными даров, и пишет  
Каракулями дивные слова?  
Она дает здоровье беднякам,  
Лишая их еды, а богачей

Пирами дразнит, наградив болезнью:  
От изобилья не дает вкусить.  
Мне радоваться бы известьям добрым,  
Но меркнет взор, и голова кружится...  
О, подойдите! Мне нехорошо. Глостер Крепитесь, государь! Кларенс Отец  
державный! Уэстморленд Глаза откройте, государь, очнитесь! Уорик Не  
бойтесь, принцы: с государем часто  
Случаются подобные припадки.  
Все отойдите. Воздуху побольше!  
Сейчас оправится король. Кларенс Нет, нет:  
Не выдержит он долго этих мук.  
Заботы, напряженье сил духовных  
Разрушили души его ограду.  
И жизнь вот-вот сквозь бреши улетит. Глостер Народные меня пугают толки  
О порожденьях страшных, о младенцах,  
Зачатых без отцов. Природы строй  
Нарушен – словно год перескочил  
Чрез месяцы, их спящими застав. Кларенс В реке прилив был трижды без  
отлива,  
И – хроника живая – старики  
Толкуют, что подобное явленье  
Случилось перед тем, как Эдуард,  
Наш предок, тяжело заболел и умер. Уорик Потихе, принцы; государь очнулся.  
Глостер Боюсь, удар сведет его в могилу. Король Генрих Прошу меня поднять и  
отнести  
В другой покой, но только осторожней. Уходят. СЦЕНА 5 Другая комната но  
дворне.  
Король Генрих в кровати; кларенс, Глостер, Уорик  
и другие. Король Генрих Любезные друзья, не надо шума,  
Но пусть ласкает нежная рука  
Чуть слышной музыкой мой дух усталый. Уорик Позвать в покой соседний  
музыкантов. Король Генрих Корону положите на подушку. Кларенс Глаза  
ввалились. Как он изменился! Уорик Потихе. Входит принц Генрих. Принц  
Генрих Кто видал, где герцог кларенс? Кларенс Я здесь, мой брат, и в  
горести большой. Принц Генрих Как? Дождь под кровом, а не на дворе?  
Что с государем? Глостер Из рук вон плохо. Принц Генрих Знает про победу?  
Скорей ему скажите. Кларенс Ему при этой вести стало худо. Принц Генрих  
Когда от радости он занемог,  
Бог даст, оправится и без лекарства. Уорик Милорды, тише! – Принц, умерьте  
голос.  
Родитель ваш как будто задремал. Кларенс В другую комнату уйдемте все.  
Уорик Угодно ль, принц, нам с вами удалиться? Принц Генрих Нет, я останусь  
возле короля. Все, кроме принца Генриха, уходят. Зачем лежит корона на  
подушке,  
Такая беспокойная подруга?  
Тревоги блеск! Забота золотая!  
Как часто двери сна ты держишь настезь  
Бессонной ночью – и с тобой он спит!  
Но не таким здоровым, сладким сном,  
Как тот, кто в грубом колпаке ночном  
Храпит себе до утра. О величье!  
Чью голову сдавил венец, тому  
Ты – как роскошный панцирь знойным днем,  
Что, охраняя, жжет. Лежит пушинка  
У врат его дыханья, но не дрогнет.  
Когда б дышал он, стала б шевелиться  
Пушинка легкая. Король! Отец мой!  
Да, крепок этот сон; он разлучил  
С короной много королев английских.  
По праву ты получишь от меня  
Дань горьких слез и тягостной печали:  
Тебе, отец, ее заплатят щедро  
Моя природа, нежность и любовь.  
По праву получу я от тебя  
Венец, как твой прямой наследник. Вот он!  
(Надевает корону.)  
Да сохранит его на мне господь!  
Пускай все силы мира соберутся  
В одной руке чудовищной – не вырвать  
Ей у меня наследственного сана;  
Оставляю сыну своему венец,

Как ты его оставил мне, отец.

(Уходит.) Король Генрих

(очнувшись) Лорд Уоррик! Глостер! Кларенс! Входят Уоррик, Глостер, Кларенс и другие. Кларенс Вы звали, государь? Уоррик Вам лучше, государь? Что вам угодно? Король Генрих Зачем меня покинули вы, лорды? Кларенс Здесь, государь, остался принц, мой брат.

Он собирался сторожить ваш сон. Король Генрих Принц Генрих? Где он? На него взглянуть бы!

Его здесь нет. Уоррик Открыта дверь; ушел он. Глостер Чрез покой, где мы сидели, он не проходил. Король Генрих Корона где? Кто взял ее с подушки? Уоррик Лежала здесь, когда мы уходили. Король Генрих Принц взял ее. Позвать его скорей!

Иль так не терпится ему, что принял

Мой сон за смерть?

Его пришлите, Уоррик, побранив. Уоррик уходит. Проступок принца наряду с болезнью

Ускорит смерть мою. – О сыновья!

Как быстро, целью золото избрав,

Встает природа на дыбы!

Вот для чего в заботах неразумных

Отцы терзают думою свой сон,

Заботой – мозг, трудами – кости;

Вот для чего накапливают груды

Червонцев, что достанутся другим;

Вот для чего детей мы обучаем

Наукам и военному искусству!

Мы, как пчела, из каждого цветка

Собрав сладчайший сок

И крылья воском облепив, рот – медом,

Летим обратно в улей – и как трутней

За труд нас убивают. Эту горечь

Пред смертью должен испытать отец. Входит Уоррик. Где тот, кто ждать не стал, пока болезнь,

Союзница его, со мной покончит? Уоррик В соседней комнате нашел я принца.

Струились слезы по щекам прекрасным;

Так искренне он предавался горю,

Что, глядя на него, насилье злое,

Весь век свой упивавшееся кровью,

Омыло б нож слезами. К нам идет он. Король Генрих Но почему он взял с собой корону? Входит принц Генрих. А вот и он. – Ко мне приблизься, Гарри.

Уйдите все, оставьте нас одних, Уоррик и прочие уходят. Принц Генрих Не

думал я ваш голос вновь услышать. Король Генрих Желание – отец той мысли, Гарри:

Я слишком зажился, тебе я в тягость.

Ужель так жаждешь ты занять мой трон,

Что мой венец спешишь надеть до срока?

О юность глупая! К величью рвешься,

Не зная, что оно тебя раздавит!

Но потерпи: лишь чуть заметный ветер

Подъемлет облако моей державы,

Мой день померк: оно прольется скоро.

Похитив мой венец, который стал бы

И так твоим чрез несколько часов,

Ты пред моим концом скрепил печатью

Предположенья горшие мои.

Вся жизнь твоя доказывала ясно,

Что ты меня не любишь, и хотел ты.

Чтоб в смертный час я в этом убедился.

На сердце каменном своем в мечтах

Ты наточил уж тысячу кинжалов,

Чтоб полчаса моей похитить жизни.

Как! Полчаса не мог ты потерпеть?

Тогда ступай и вырой мне могилу.

Вели звонить в колокола, вещая

Не смерть мою – твое лишь воцаренье.

Те слезы, что на мой прольются гроб,

Елеем станут, чтоб тебя помазать.

Смешай меня скорее с бранным прахом;

Жизнь давшего тебе отдай червям.

Слуг прогони моих, нарушь указы,

Пришла пора глумиться над порядком.

На троне – Генрих Пятый! Встань, тщеславье!  
Прочь, мудрые советники! Прочь, слава!  
К английскому двору со всех сторон  
Беспутные сбирайтесь обезьяны!  
Соседи, извергайте прочь подонки!  
Коль есть у вас бездельник, что бранится,  
Пьет, кутит ночью, грабит, убивает,  
Грехи отцов творит на новый лад,  
Возрадуйтесь – он нам не будет в тягость:  
Ведь Англия его тройною мерзость  
Двойною позолотою покроет  
И даст ему почет, и власть, и должность.  
Намордник, сдерживающий распутство,  
Сорвет король, и разъяренный пес  
Всех, кто безвинен, ринется терзать.  
О бедный край, больной от войн гражданских!  
Я не сберег тебя от смут заботой,  
Что ж будет, коль заботой станет смута?  
О, снова превратишься ты в пустыню,  
Где будут волки лишь бродить, как встарь! Принц Генрих О государь, меня простите! Если б  
Не слезы – влажная словам преграда,  
Прервал бы я урок благой, хоть горький.  
Вам не сказать бы этих скорбных слов,  
Мне ж – не внимать так долго... Вот венец ваш!  
Да сохранит надолго вам его  
Небесный венценосец! Если он  
Дороже мне, чем ваша честь и слава,  
Пусть навсегда останусь на коленях,  
В смиренном положении, что внушил  
Мне дух, исполненный любви и долга.  
Лишь знает бог, как больно сжалось сердце,  
Когда, войдя, застал вас бездыханным.  
Коль притворяюсь, пусть умру бесславно,  
И мир, доверью чуждый, не увидит  
Той перемены, что замыслил я.  
Придя взглянуть на вас, я счел вас мертвым,  
И, полумертвый сам от этой мысли,  
С укором обратился я к короне.  
Как если бы сознание было в ней:  
"Заботы, сопряженные с тобою,  
Все соки вытянули из отца.  
Хоть высшей пробы золото твое,  
Но для меня нет худшею на свете;  
Другое, низшей пробы драгоценней,  
Затем что исцеляет от недугов,  
Ты ж, хоть прекрасно, славно, погубило  
Носившею тебя!" С таким укором  
Надел корону я, отец державный,  
Чтоб с нею, как с врагом, что предо мной  
Родителя убил, вступить в борьбу,  
Как долг велит наследнику престола.  
Но если радостью она растлила  
Мне кровь, вселила в душу мне гордыню  
И если суетной, мятежной мыслью  
Я ринулся с приветом ей навстречу,  
Пусть бог навек лишит меня короны  
И превратит в ничтожного вассала,  
Что в страхе перед ней колени гнет! Король Генрих О сын мой!  
Господь внушил тебе корону взять,  
Чтобы в отце твоём любовь усилить  
Разумным оправданием твоим!  
Поди сюда, сядь у моей кровати  
И выслушай, как думается мне,  
Последний мой совет. Известно богу,  
Каким путем окольным и кривым  
Корону добыл я; лишь мне известно,  
С какой тревогой я носил ее.  
К тебе она спокойней перейдет,  
При лучших обстоятельствах, законней  
Все, чем запятнан я в борьбе за власть,



Сойдет со мною в гроб. На мне корона  
 Казалась символом захватной власти;  
 В живых немало оставалось лиц,  
 Что помогли мне ею завладеть,  
 И это вечно порождало смуту,  
 Кровапролиться, рая мир непрочный.  
 Всем этим страхам я навстречу шел,  
 Своей рискуя жизнью, как ты видел.  
 В мое правление была страна  
 Ареной бурных драм. Но смерть моя  
 Изменит в корне все: что захватил я,  
 Теперь по праву перейдет к тебе  
 Наследственный венец носить ты будешь.  
 Хотя будешь тверже ты стоять, чем я,  
 Все ж твой непрочен трон: свежи обиды.  
 Мои друзья, что стать должны твоими,  
 Зубов и жал лишились лишь недавно  
 С их помощью кровавой стал я править  
 И мог страшиться, что меня их мощь  
 Низринет вновь. Опасность отвращая,  
 Я многих истребил и собирался  
 Вести в Снятую землю остальных  
 Чтоб не дали им праздность и покой  
 В мои права внимательней всмотреться.  
 Веди войну в чужих краях, мой Генри,  
 Чтоб головы горячие занять;  
 Тем самым память о былом изгладишь.  
 Еще сказал бы, но дышать мне трудно  
 И говорить нет сил. Прости, о боже,  
 Мне путь, которым к власти я пришел,  
 И сыну в мире сохрани престол! Принц Генрих Он вами, государь,  
 Был добыт, сохранен и мне вручен:  
 Незыблемы мои права на трон.  
 Отстаивать их стану неуклонно  
 Пред всей вселенною и борьбе законной.  
 Входит принц Джон Ланкастерский. Король Генрих Смотри, смотри, идет мой  
 Джон Ланкастер! Принц Джон Здоровья, мира, счастья вам желаю! Король Генрих  
 Ты мир и счастье мне несешь, здоровье ж  
 На крыльях юности, увы, умчалось  
 От голого, иссохшего ствола.  
 Тебя увидел – и мой труд земной  
 Теперь закончен. Где лорд Уорик? Принц Генрих Уорик! Входит Уорик. Король  
 Генрих Не носит ли особого названья  
 Покой, где мне сегодня стало хуже? Уорик Милорд, зовется он Иерусалим.  
 Король Генрих Хвала творцу! Там должен жизнь я кончить.  
 Мне предсказали много лет назад,  
 Что я окончу жизнь в Иерусалиме,  
 И полагал я – что в Святой земле.  
 В ту комнату меня снесите; там,  
 В Иерусалиме, небу дух предаю. Уходят. АКТ V СЦЕНА 1 Глостершир. Комната в  
 доме Шеллоу.  
 Входят Шеллоу, Фальстаф, Бардольф и паж. Шеллоу Клянусь петухом и сорокой,  
 я не отпущу вас сегодня, сэр. – Эй, Деви! Фальстаф Прошу извинить меня,  
 мистер Роберт Шеллоу... Шеллоу Не извиню; никак не могу извинить; не  
 принимаю никаких извинений; никакие извинения вам не помогут; не должно  
 быть никаких извинений. – Эй, Деви! Входит Деви. Деви Здесь, сэр. Шеллоу  
 Деви, Деви, Деви, Деви... Постой, Деви... Постой, Деви, постой... Ах да,  
 позови повара Уильяма. – Сэр Джон, я не принимаю ваших извинений. Деви  
 Слушаю, сэр. А повесток ваших я так и не мог вручить. Да, вот еще, сэр, чем  
 же мы засеим ту большую пашню – пшеницей? Шеллоу Да, красной пшеницей,  
 Деви. Но позови повара Уильяма... Есть у нас молодые голуби? Деви Да, сэр.  
 А вот счет кузнеца за ковку лошадей и за плуги. Шеллоу Проверь счет и  
 заплати. – Сэр Джон, я не принимаю ваших извинений. Деви А еще, сэр, надо  
 бы купить новую цепь к ведру. Да, вот еще, сэр: прикажете вычестить из  
 жалованья Уильяма за мешок, который он потерял на днях на рынке в Хинкли?  
 Шеллоу Он должен возместить убыток. – Несколько штук голубей, Деви, да  
 парочку цыплят, да ножку баранины, да еще чего-нибудь хорошенького,  
 вкусненького. Растолкуй это повару Уильяму. Деви А военный господин  
 останется у нас на ночь, сэр? Шеллоу Да. Деви. Надо его угостить на славу.  
 Друг при дворе лучше, чем пенни в кошельке. Угости как следует и его людей,  
 Деви; ведь они отъявленные негодяи и в случае чего станут трепать мое имя.

Деви Положим, у них самих довольно-таки обтрепанный вид, сэ; белье на них страсть какое грязное. Шеллоу Хорошо сказано, Деви. Но принимайся за дело, Деви. Деви Очень прошу нас, сэ, поддержите Уильяма Уайзора из Уипкота против Климента Перкса из Хилля. Шеллоу На Уайзора поступило много жалоб, Деви. По-моему, этот Уайзор отъявленный плут. Деви Вполне согласен с вашей милостью, что он плут, но, видит бог, надо же когда-нибудь и плуту получить поблажку по просьбе приятеля. Честный человек, сэ, может сам за себя постоять, а плут не может. Я служу вашей милости верой и правдой вот уже восемь лет, и если мне нельзя раз или два в полгода поддержать плута против честного человека, значит, у вашей милости ко мне совсем мало доверия. Ведь этот плут – мой честный друг, сэ; поэтому я очень прошу вашу милость решить дело в его пользу. Шеллоу Ну, хорошо; я его не обижу. А теперь ступай, Деви. Деви уходит. Где вы, сэ Джон? Скорей, скорей снимайте сапоги. – Вашу руку, мистер Бардольф. Бардольф Я рад видеть вашу милость. Шеллоу Благодарю тебя от всей души, добрейший Бардольф. (Пажу.) Добро пожаловать, великан. – Идемте, сэ Джон. Фальстаф Сейчас иду, добрейший мистер Роберт Шеллоу. Шеллоу уходит. Бардольф, присмотри за нашими лошадьми. Бардольф и паж уходят. Если бы меня распилили на части, то вышло бы четыре дюжины таких бородатых монашеских посохов, как мистер Шеллоу. Удивительное дело, до чего духовно уподобились друг другу хозяин и слуги: имея его всегда перед глазами, они стали смахивать на придурковатого судью, а он, постоянно разговаривая с ними, стал походить на лакея с ужимками судьи. Благодаря постоянному общению их мысли настроились на один лад и жмутся друг к другу, как стадо диких гусей. Имей я нужду в мистере Шеллоу, я постарался бы подольститься к его слугам, намекнув на их близость к хозяину; нуждайся я в их услугах, я бы польстил мистеру Шеллоу, сказав, что никто не управляет слугами лучше, чем он. Известно, что как умное поведение, так и дурацкие повадки заразительны подобно болезням, – поэтому надо выбирать себе приятелей весьма осмотрительно. Я сделаю этого Шеллоу мишенью для своих шуток и буду забавлять принца Генриха, пока не сменятся шесть мод, что равняется продолжительности четырех судебных сроков или двух процессов, – и он будет хохотать без и\_н\_т\_е\_р\_в\_а\_л\_о\_в. О, как сильно действует выдумка, приправленная клятвой, или шутка, сказанная с мрачным видом, на молодчика, еще не испытавшего, что такое ломота в плечах! Вот увидите, принц будет хохотать до тех пор, пока его лицо не сморщится, как промокший, скомканный плащ! Шеллоу

(за сценой) Сэр Джон! Фальстаф Иду, мистер Шеллоу, иду. (Уходит.) СЦЕНА 2  
Уэстминстер. Зал во дворце.  
Входят с разных сторон Уорик и верховный судья. Уорик А, это вы, милорд? Куда идете? Верховный судья Как чувствует себя король? Уорик Прекрасно: кончились его тревоги. Верховный судья Надеюсь, жив? Уорик Ушел он в путь последний, и в нашем мире больше нет его. Верховный судья Зачем король не взял меня с собою?

За то, что верно я ему служил.  
Теперь обидам буду предоставлен. Уорик Да, молодой король не любит вас. Верховный судья Я знаю и порядки новых дней  
Во всеоружии хочу я встретить.  
Действительность не может быть ужасней  
Того, что мне фантазия рисует. Входят принц Джон Ланкастерский, Глостер, Кларенс,  
Уэстморленд и другие. Уорик Вот Генриха умершего потомство  
Скорбящее. Будь у живого Гарри  
Характер худшего из младших братьев,  
Как много бы осталось здесь дворян,  
Что спустят парус перед грубым сбродом! Верховный судья увы, боюсь, что все пойдет вверх дном. Принц Джон Привет, кузен мой Уорик! С добрым утром. Глостер и Кларенс Привет, кузен! Принц Джон Мы словно разучились говорить. Уорик Владеем речью мы, но так печален  
Ее предмет, что нас лишает слов. Принц Джон Так мир тому, кто вызвал нашу скорбь! Верховный судья Мир нам! Спаси нас бог от горшей скорби. Глостер Добрейший лорд, вы потеряли друга.  
Готов поклясться, на лице у вас  
Не маска грусти – истинная скорбь. Принц Джон Хоть не уверен в милости никто,  
Но вам прием холодный обеспечен.  
Как грустно! Если б все иначе было! Кларенс Да, вам придется угождать фальстафу,  
Идя наперекор своей природе. Верховный судья Все, что я делал, принцы, делал честно,  
Руководимый беспристрастным духом.

Я милости выпрашивать не стану  
У короля по-нищенски, с позором.  
Коль не помогут правота и честь,  
К усопшему отправлюсь государю  
И расскажу, кем прислан я к нему. Уорик Вот принц идет. Входит король  
Генрих Пятый со свитой. Верховный судья Да сохранит вас бог, мой государь!  
Король Генрих В наряде новом, пышном, что зовется  
Величеством, не так удобно мне,  
Как думаете вы. Я вижу, братья,  
К печали вашей примешался страх.  
Здесь английский, а не турецкий двор.  
Не Амурат - преемник Амурата,  
А Генрих - Генриха. Но все ж печальтесь.  
О братья добрые, вам грусть пристала.  
Так царственно являете вы горе.  
Что вас возьму за образец, и траур  
Носить я стану в сердце. Да, печальтесь,  
Но в меру, помня, что должны мы бремя  
Все сообща нести. Что до меня,  
Клянусь, я буду вам отцом и братом.  
Вы лишь отдайте мне свою любовь,  
А я уж сам возьму заботы ваши.  
Вы плачете о Генриха кончине.  
И плачу я. Но Гарри жив, который  
В дни счастья эти слезы превратит. Принц Джон и другие Мы, государь, не  
ждем от вас другого. Король Генрих Все как-то странно смотрят на меня.  
(Верховному судье.)  
В особенности вы: ведь вы, конечно,  
Уверены, что вам я враг. Верховный судья Уверен,  
что если взвесить здраво, то у вас  
Нет оснований для вражды ко мне. Король Генрих Нет?  
Иль может принц с призваньем столь высоким  
Забуть, как оскорбляли вы его?  
Как! Отчитать, бранить, в темницу бросить  
Наследника? Иль этого вам мало?  
Иль это можно в Лете утопить? Верховный судья Я действовал от имени  
монарха,  
Власть вашего отца являл собою.  
И вот, когда я исполнял закон,  
Радея лишь о благе всех сограждан,  
Угодно было вам забыть свой сан,  
Закона мощь, величье правосудья,  
Монарха образ, воплощенный мной  
В судейском кресле, - и меня ударить;  
И вас за оскорбленье короля  
Я, смело пользуясь мне данной властью,  
Под стражу взял. Коль поступил я дурно,  
Теперь, когда надели вы корону,  
Не возражайте, если ваш наследник  
Нарушит приговор ваш, правосудье  
Прогонит со скамьи его священной,  
Прервет закона ход, притупит меч,  
что ваш покой блюдет и безопасность,  
Нет, больше: если образ ваш растопчет,  
Над вашим представителем глумясь.  
Вы царственный свой разум вопросите,  
Представьте, что случилось это с вами,  
что вы отец и что у вас есть сын,  
который так попрал величье ваше,  
так все законы грозные презрел,  
так надругался дерзостно над вами;  
потом представьте, что, за вас вступившись,  
я вашей властью принца усмирил.  
Обдумав это, обо мне судите.  
как государь, скажите беспристрастно,  
в чем я свои нарушил полномочья  
Иль верность властелину моему. Король Генрих Милорд, вы правы: взвешено  
прекрасно;  
так сохраняйте же весы и меч.  
желал бы я, чтоб, возрастая в славе,  
вы дожили до дня, когда мой сын,

Вас оскорбив, подобно мне смирится.

Тогда я повторю слова отца:

"- Я счастлив, что есть подданный бесстрашный

Который принца осудить дерзнул;

И счастлив я, что у меня есть сын,

Который отдал в руки правосудья

Свое величье". Вы меня к тюрьме

Приговорили, - я приговорю вас

Носить и впредь тот меч, который с честью

Вы до сих пор носили. Обращайтесь

С ним так же смело, честно, как в тот раз,

Когда он был направлен на меня.

Вот вам рука моя. Отцом мне будьте:

Что вы шепнете мне, я вслух скажу

И волю подчиню свою смиренно

Советам вашим мудрым и благим.

И я прошу вас всех поверить, принцы,

Что в гроб с отцом сошло мое беспутство,

С ним страсти все мои погребены,

И строгий дух отца воскрес во мне,

Чтоб ожиданья обмануть людские,

Всех посрамить пророков, истребить

Дурное мнение, что меня клеймит

За внешние былые проявления.

Кровь гордая, что до сих пор ко мне

Текла разгульно, свой изменит ход

И устремится в океан, где, слившись

С волнами царственными, заструится

Спокойно, величаво. Мы теперь же

Парламент наш высокий созовем

И изберем советников надежных,

Чтоб Англия ни и чем не уступала

Тем странам, где правление совершенно;

Чтоб и война и мир иль оба вместе

Привычны и знакомы были нам.

Во всем, отец, вам будет первый голос.

Короновавшись, тотчас созовем,

Как я упомянул, весь наш Совет.

Когда ж по воле неба стану править,

Ни принц, ни пэр не пожелает ввек.

Чтоб сократился мой счастливый век. Уходят. СЦЕНА 3 Глостершир. Сад при доме Шеллоу.

Входят Фальстаф, Шеллоу, Сайленс, Бардольф,

паж и Деви. Шеллоу Нет, вы непременно должны осмотреть мой сад, и там в

беседке мы с вами отведаем прошлогодних яблок моей собственной прививки;

съедем тарелочку варенья с тмином и еще что-нибудь. - Идемте, кузен

Сайленс. - А потом в постель. Фальстаф Ей-богу, у вас славное поместье,

очень богатое. Шеллоу Пустырь, пустырь, пустырь. Мы нищие, нищие, сэр Джон.

Только и хорошего, что воздух. - Накрывай, Деви! Накрывай, Деви! Так,

хорошо. Фальстаф Этот Деви у вас мастер на все руки - и слуга и

управляющий. Шеллоу Хороший слуга, хороший слуга, превосходный слуга, сэр

Джон. Клянусь мессой, я выпил за ужином слишком много хереса. Да, хороший

слуга. А теперь садитесь, садитесь. - И вы, кузен, тоже. Сайленс Ну,

господа, давайте теперь, как говорится: (Поет.)

"Гулять, пировать всю ночь напролет,

Хвалить небеса за удачливый год.

Всюду мясо в котлах, спрос на девок растет,

Пляшет, поет счастливый народ.

Эй, веселей!

Говорю вам, друзья: веселей!" Фальстаф Вот весельчак! - Добрейший мистер

Сайленс, сейчас выпью за ваше здоровье. Шеллоу Поднеси-ка вина мистеру

Бардольфу, Деви. Деви Добрейший сэр, садитесь. Я сейчас буду к вашим

услугам. Садитесь, добрейший сэр. - Господин паж, любезный господин паж,

садитесь. Ваше здоровье! Если не хватит чего съестного, мы вознаградим себя

выпивкой. Уж не взыщите: чем богаты, тем и рады. (Уходит.) Шеллоу Веселей,

мистер Бардольф! - И ты тоже, мой маленький воин, будь веселей. Сайленс

(поет) "Веселей, веселей! жена-ерунда;

Коротка ль, высока ль - баба дрянь всегда.

Пир горой, когда с бородой борода.

Да здравствует праздник веселый!

Веселей, друзья, веселей!" Фальстаф никак не думал, что мистер Сайленс

такой молодец. Сайленс Кто? Я? Мне уже случилось в жизни повеселиться разок-другой. Возвращается Деви. Деви Вот вам блюдо яблок. (Ставит блюдо перед Бардольфом.) Шеллоу Деви! Деви что прикажете, ваша милость?

(Бардольфу.) Сейчас буду к вашим услугам. – Стакан вина, сэр? Сайленс (поет) "кубок с вином блещет огнем.

Выпью за ту, что в сердце моем.

Кто весел, всех долговечней!" Фальстаф Славно, мистер Сайленс! Сайленс Будем веселиться. Перед нами еще самая приятная часть ночи. Фальстаф Ваше здоровье, мистер Сайленс! Много лет вам здравствовать! Сайленс

(поет) "До дна я выпью кубок мой,

Будь он хоть в милю глубиной!" Шеллоу Достойный Бардольф, за твое здоровье.

Если тебе чего-нибудь хочется и ты не требуешь, пеняй на себя. – Твое здоровье, мой маленький плутишка, твое здоровье. – Пью за здоровье мистера Бардольфа и всех лондонских кавалеров. Деви Я еще надеюсь на своем веку побывать в Лондоне. Бардольф Очень бы хотел увидеть тебя там, Деви...

Шеллоу Клянусь мессой, вы там осушите вдвоем добрую кварту. Хе-хе! Не правда ли, мистер Бардольф? Бардольф Совершенно верно, сэр, – пинты в четыре. Шеллоу Отлично сказано, черт возьми! Этот плут не отстанет от тебя, будь спокоен. Уж он не отступится, он мастер по этой части. Бардольф Да и я тоже не отстану от него, сэр. Шеллоу Вот слова, достойные короля. Будьте как дома, веселитесь! Стук в дверь. Посмотрите, кто там пришел. Эй, кто там? Деви входит. Фальстаф

(Сайленсу, который выпил стакан до дна) Так, теперь вы оказали мне честь. Сайленс

(поет) "Окажите мне честь

Меня в рыцарский сан возвесть, Саминго!" Так ведь? Фальстаф Так. Сайленс Вот видите. Согласитесь, что и старый человек иногда еще кое на что пригодится. Возвращается Деви. Деви С позволения вашей милости, там пришел какой-то Пистоль; он привез вести из дворца. Фальстаф Из дворца? Пусть войдет. Входит Пистоль. Что скажешь, Пистоль? Пистоль Да хранит вас бог, сэр Джон! Фальстаф Какой ветер занес тебя сюда, Пистоль? Пистоль Не тот злой ветер, который не приносит ничего доброго. Милейший рыцарь, ты теперь одна из самых веских персон в королевстве. Сайленс Клянусь святой девой, он самый увесистый, если не считать моего кума Пуфа из Барсона. Пистоль Пуф?

"Пуф" тебе в зубы, гнусный, подлый трус!

Сэр Джон, я твой Пистоль, твой верный друг.

Я сломя голову сюда примчался

И радостную весть тебе привез

Бесценные известья, дни золотые. Фальстаф Выкладывай их скорее, да только говори по-человечески. Пистоль Плевать мне на весь свет и всех людишек!

Я речь веду об Африке золотой! Фальстаф Презренный ассириец, что за вести? Король Кофетуа знает правду хочет. Сайленс

(поет) "И Робин Гуд, и Джон, и Скарлет". Пистоль Допустят ли дворняг на Геликон,

Чтоб лаяли на царственные вести?

Тогда, Пистоль, пади в объятия фурий! Шеллоу Почтенный джентльмен, я не знаю, из каких вы будете. Пистоль Тогда скорби об этом. Шеллоу Прошу прощенья, сэр. Если, сэр, вы прибыли с вестями из дворца, я полагаю, нам остается одно из двух – или выложить их, или же хранить при себе. Знайте, сэр, что король облек меня некоторой властью. Пистоль Какой король? Ответь, прохвост, иль сгибнешь! Шеллоу Генрих. Пистоль Какой? Четвертый или Пятый? Шеллоу Генрих Четвертый. Пистоль К черту же твой сан!

Сэр Джон, стал королем твой кроткий агнец.

Он – Генрих Пятый. Правду говорю.

Когда солгал я, покажи мне фигу,

Как гордые испанцы. Фальстаф Как! Старый король умер? Пистоль Он мертв, как гвоздь дверной.

Сказал я правду. Фальстаф Скорей, Бардольф! Седлай моего коня! – Мистер Роберт Шеллоу, выбирай какую хочешь должность в государстве – она твоя. – Пистоль, я осыплю тебя почестями! Бардольф Счастливейший день!

Он мне дороже рыцарского званья! Пистоль Что? Вести хороши? Фальстаф Отнесите мистера Сайленса в постель. – Мистер Шеллоу, лорд Шеллоу, будь чем хочешь: я – наместник фортуны, Надевай сапоги, мы будем скакать всю ночь. – О драгоценный мой Пистоль! – Живо, Бардольф! Бардольф уходит. Ну, Пистоль, расскажи мне еще что-нибудь; да придумай для себя что-нибудь хорошенькое. – Надевайте сапоги, мистер Шеллоу! Я знаю, молодой король тоскует по мне... Возьмите первых попавшихся лошадей: законы Англии мне подвластны. Счастье всем моим друзьям, и горе лорду верховному судье! Пистоль Пусть коршуны ему терзают печень!

"Куда ты скрылось, счастье?" - так поется.

Оно вот здесь! Привет блаженным дням! Уходят. СЦЕНА 4 Лондон. Улица. Входят полицейские, которые тащат хозяйку Куикли и Долль Тершит. Хозяйка Ах ты, отпетый негодяй! Починный бог, я готова помереть, лишь бы мне увидеть тебя на виселице! Ты вывихнул мне плечо! Первый полицейский констебли передали ее мне. Пусть не сомневается: мы угостим ее кнутом на славу. Из-за нее было недавно убито два человека. Долль Врешь, живодер окаянный, врешь! Пусти, говорю тебе, проклятая постная твоя рожа! Если я выкину дите, что сейчас ношу, лучше бы тебе пришить родную мать, поганец ты этакий, испитая харя! Хозяйка О господи, если бы только сэр Джон был здесь! Уж он бы учинил тут над кем-нибудь кровавую расправу. Молю бога, чтобы она выкинула плод своего чрева. Первый полицейский что ж, тогда у тебя будет опять дюжина подушек; а сейчас их у тебя только одиннадцать. Да ну же, ступайте за мной. Человек, которого вы избили вместе с Пистолем, умер. Долль А я тебе говорю, плюгавый человечиска с курильницы, тебя самого за это здорово выпорют. Ах ты, синяя навозная муха! Ах ты, грязный оголодавший палач! Если тебя не выпорют, не носить мне больше короткого платья. Первый полицейский Ну ты, странствующий рыцарь в юбке, идем. Хозяйка Господи боже мой, неужто п\_r\_a\_v\_d\_a одолеет с\_и\_л\_у? Ну, да мы еще посмотрим! Долль Идем, негодяй ты этакий, идем. Веди меня к судье. Хозяйка Идем, голодный пес. Долль Ах ты, ходячая смерть! Хозяйка Скелет ты этакий! Долль Идем, сухарь, идем, негодяй! Первый полицейский Ладно, идем. Уходят. СЦЕНА 5 Площадь перед Уэстминстерским аббатством. Входят два служителя, посыпая площадь тростником. Первый служитель Не жалея тростника, не жалея тростника! Второй служитель Уже два раза трубили. Первый служитель Раньше двух часов они не вернутся с коронации. Живей, живей! Служители уходят.

Входят Фальстаф, Шеллоу, Пистоль, Бардольф и паж. Фальстаф Станьте возле меня, мистер Роберт Шеллоу. Уж я добьюсь у короля для вас всяческих благ. Я подмигну ему, когда он будет проезжать мимо нас, - вы увидите, как он со мной обойдется. Пистоль Да укрепит господь твои легкие, добрый рыцарь. Фальстаф Поди сюда, Пистоль; стань позади меня. (К Шеллоу.) Как жаль, что я не успел заказать всем нам новое платье, - охотно бы выложил тысячу фунтов, что занял у вас! Впрочем, не беда; ваш скромный наряд как нельзя более к стати он доказывает, как я спешил увидеть короля. Шеллоу Вот именно. Фальстаф Он доказывает мою искреннюю привязанность. Шеллоу Вот именно. Фальстаф Мою преданность... Шеллоу Вот именно, вот именно, вот именно. Фальстаф Сразу видно, что я скакал день и ночь и совсем позабыл... даже в голову не пришло - терпения не хватило переодеться... Шеллоу Именно так. Фальстаф Вот я стою здесь, весь в пыли, весь в поту, сгорая от желания его увидеть, бросив все свои дела, как будто у меня нет другой заботы, как только увидеть его. Пистоль Это *semper idem*, ибо *absque hoc nihil est* - все, как говорится, одно к одному.

Шеллоу Так оно и есть. Пистоль Мой рыцарь, разожгу и тебе я печень и благородный гнев:

Прекрасная твоя Елена, Долль,  
В оковах тяжких, в мерзостной тюрьме;  
И ввержена туда

Презренною и грубою рукой.  
Отмщенье, встань из черных бездн,  
Обвитое змеей Алекто страшной!

В темнице Долль! Пистоль сказал лишь правду. Фальстаф Я дам свободу ей! За сценой радостные клики и трубные звуки. Пистоль Не море ли шумит? Я слышу рокот труб. Вводит король Генрих Пятый со свитой: в числе других верховный судья. Фальстаф Храни тебя господь, король мой Хел! Пистоль Пусть небо сохранит сей дивный отпрыск славы! Фальстаф Храни тебя господь, мой милый мальчик! король Генрих (верховному судье) Милорд, ответьте этому безумцу. Верховный судья В уме ль вы, сэр? С кем говорите вы? Фальстаф (королю Генриху) С тобой! король! Юпитер! Жизнь моя! Король Генрих Старик, с тобой я незнаком. Покайся!

Седины вовсе не к лицу шутам.  
Мне долго снился человек такой  
Раздувшийся от пьянства, старый, грубый,  
Но я проснулся, и тот сон мне мерзок.  
Впредь о душе заботься, не о теле.  
Обжорство брось: знай, пред тобой могила  
Зияет - поглотить тебя готова.  
Дурацкой шуткой мне не отвечай.  
Не думай, что такой же я, как прежде.  
Известно богу - скоро мир увидит,

Что я от прошлого навеки отрекся  
 И отрекись от всех, с кем знался раньше.  
 Когда услышишь, что я вновь таков,  
 Как прежде, приходи ко мне и будешь  
 Моим руководителем в распутстве.  
 До той поры тебя я изгоняю,  
 Как всех прогнал, кто совращал меня.  
 Под страхом смерти вам запрещено  
 Теперь к особе нашей приближаться  
 На десять миль. Вам средства к жизни дам,  
 Чтобы нужда на зло вас не толкала;  
 И, если вы исправитесь, дадим  
 Вам должность в меру ваших сил и знаний.  
 Милорд судья, я поручаю вам  
 Дать неотложный ход моим словам.  
 Идем. Король со свитой уходит. Фальстаф Мистер Шеллоу, я должен вам тысячу фунтов. Шеллоу Да, сэр Джон, и я прошу вас вернуть мне их сейчас же: я еду домой. Фальстаф Это едва ли возможно, мистер Шеллоу. Но не огорчайтесь; скоро меня позовут к нему тайком. Видите ли, он должен был так обойтись со мной при всех. Не сомневайтесь в своем повышении: я все же придам вам весу. Шеллоу Не знаю, как вы это сделаете, – разве что только наденете на меня свой камзол и набьете его соломой. Очень прошу вас, добрейший сэр Джон, отдайте мне хоть пятьсот фунтов из тысячи. Фальстаф Не сомневайтесь, я сдержу свое слово. То, что вы сейчас видели, не более как маска. Шеллоу Боюсь, что эту маску не снимут до самой вашей смерти, сэр Джон. Фальстаф Не бойтесь масок. Идемте со мной обедать. – Идем, лейтенант Пистоль; идем, Бардольф. За мной еще пришлют сегодня же вечером. Входит принц Джон, верховный судья и стража. Верховный судья Взять сэра Джона Фальстафа; немедля  
 Свести во флот – и всех друзей его. Фальстаф Милорд, милорд!.. Верховный судья Нет времени. Все скажете вы после.  
 Ведите их. Пистоль *Se fortuna mi tormenta,*  
*Lo sperare mi contenta.* Все, кроме принца Джона и верховного судьи, уходят.  
 Принц Джон Мне по душе поступок государя;  
 Намерен прежних спутников своих  
 Он обеспечить, но их всех изгнал  
 И не вернет, пока не убедится  
 В их скромном и разумном поведении. Верховный судья Да, это так. Принц Джон Король созвал парламент свой, милорд? Верховный судья Созвал. Принц Джон Готов ручаться; не пройдет и года,  
 Как наш король огонь и меч пошлет  
 Во Францию. Об этом птичка пела  
 И, кажется, пленить его сумела.  
 Идем, милорд. Уходят. ЭПИЛОГ (Произносится Танцовщиком) Я появляюсь перед вами прежде всего со страхом, затем с поклоном, и, наконец с речью.  
 Страхуюсь я вашего неудовольствия, кланяюсь по обязанности, а говорю, чтобы просить у вас прощения. Если вы ждете от меня хорошей речи, то я пропал, – ведь то, что я имею сказать, сочинил я сам, а то, что мне следовало бы вам сказать, боюсь, испорчено мною. Но к делу, – я все-таки попробую. Да будет вам известно (впрочем, вы это и сами знаете), что недавно я выступал здесь перед вами в конце одной пьесы, которая вам не понравилась, и просил у вас снисхождения к ней, обещав вам лучшую. Признаться, я надеялся уплатить вам свой долг вот этой пьесой. Если же она, как неудачное коммерческое предприятие, потерпит крах, то я окажусь банкротом, а вы, мои любезные кредиторы, пострадаете. Я обещал вам явиться сюда – и вот я пришел и поручаю себя вашей снисходительности. Отпустите мне хоть часть долга, а часть я заплачу и, подобно большинству должников, надам вам бесконечных обещаний.  
 Если мой язык вымолит у вас оправдание, не прикажете ли вы мне пустить в ход ноги? Правда, это было бы легкой расплатой – отплясаться от долга. Но чистая совесть готова дать любое удовлетворение, и я на все пойду. Все дамы, здесь присутствующие, уже простили меня; если же кавалеры не простят, значит, кавалеры не согласны с дамами – вещь, совершенно невиданная в таком собрании.  
 Еще одно слово, прошу вас. Если вы еще не пресытились жирной пищей, то ваш смиренный автор предложит вам историю, в которой выведен сэр Джон, и развеселит вас, показав прекрасную Екатерину Французскую. В этой истории, насколько я знаю, Фальстаф умрет от испарины, если его еще не убил ваш суровый приговор; как известно, Олдкассл умер смертью мученика, но это совсем другое лицо. Язык мой устал, а когда мои ноги так же устанут, я пожелаю вам доброй ночи. А затем я преклоню колени, но лишь для того, чтобы

Шекспир У. Генрих IV (Часть 2) [filosoff.org](http://filosoff.org)  
помолиться за королеву. "ГЕНРИХ IV" Несомненно, что замысел "Генриха IV" возник у Шекспира тогда, когда он завершал хронику о Ричарде II, продолжением которой являются две пьесы о царствовании Генриха IV. За это говорит даже не столько то, что в конце "Ричарда II" епископ Карлайль пророчески предвещает о бедах, ожидающих Англию в наказание за свержение законного короля, сколько упоминание о бесчинствах молодого принца Генри, наследника нового монарха Болингброка. Последний жалуется на то, что уже три месяца не видел сына, и посылает на поиски в таверны, где он бродит со всяким сбродом ("Ричард II", V, 3). Упоминание принца в таком контексте является анахронизмом для данной пьесы. Ему во время низложения Ричарда II было всего тринадцать лет, и явно, что, вводя эту характеристику, Шекспир уже носил в голове, а может быть, начал излагать на бумаге историю беспутного принца.

Именно она и является основным сюжетным мотивом хроники "Генрих IV" в гораздо большей степени, чем судьба его отца, чьим именем названы обе пьесы. Ясно также и то, что уже в это время у Шекспира созрел план драматизации всей истории принца, а впоследствии короля Генриха V, прославленного в анналах истории Англии своими победами над Францией в Столетней войне. Его биография и история царствования были красочно описаны в летописях Холиншеда и других историков. О Генрихе V в народе ходили легенды, и он был в сознании масс таким же мужественным, справедливым, "хорошим" королем, каким во Франции позже представляли себе Генриха IV Наваррского.

Героический образ короля-воина рано привлек внимание английских драматургов эпохи Возрождения, и его история была инсценирована еще до Шекспира. Когда над Англией нависла опасность испанского вторжения, театры, поддерживая патриотический дух народа, ставили пьесы, прославлявшие прошлые победы англичан над чужеземцами. Тогда-то и появилась первая пьеса на данный сюжет - "Славные победы Генриха V", написанная неизвестным автором. Она была поставлена не позднее 1588 года. (Это установлено благодаря тому, что сохранились сведения об участии комика Тарлтона в исполнении пьесы, а так как он скончался в 1588 году, то это приблизительно фиксирует дату.) Пьеса имела успех и довольно долго продержалась на сцене. В 1592 году Томас Нэш в памфлете "Пирс безгрошовый", хваля театры за то, что они развивают в народе чувство национальной гордости, упоминает эту хронику: "Как замечательно, что на сцене показывают Генриха V, взятие им в плен французского короля и то, как он вынуждает его и дофина присягнуть ему на верность". Вероятно, именно эта пьеса под названием "Генрих V" была занесена в 1594 году в реестр книг, предполагавшихся к печатанию, и о ней же идет речь в документе о представлении, состоявшемся в 1595 году. Она была напечатана в 1598 году, и это издание сохранилось, благодаря чему исследователи могли сравнить пьесу с шекспировскими хрониками на тот же сюжет.

"Славные победы Генриха V" - примитивная инсценировка известных исторических фактов и легенд об этом короле. Это откровенно пропагандистская пьеса биографического характера, с невыразительной обрисовкой персонажей. Но при всем том ее неизвестный автор проявил некоторую выдумку, создав беглый и местами живой сценический рассказ о жизни и деяниях Генриха V. Следуя преданиям о беспутной молодости короля, он ввел сцены, изображающие его в компании веселых собутыльников, среди которых есть опустившийся рыцарь сэра Джон Олдкасл - прообраз Фальстафа. Есть в пьесе и эпизод, когда принц дает пощечину верховному судье. Наконец, мы находим здесь и сцену, подавшую Шекспиру идею изобразить принца и Фальстафа репетирующими сцену встречи короля с принцем. В "Славных победах" это происходит иначе: там двое из трактирной компании комически повторяют ссору принца с верховным судьей. Не приходится сомневаться в том, что Шекспир воспользовался пьесой своего предшественника. Он не только заимствовал из нее отдельные детали, она в целом послужила ему канвой и для двух частей "Генриха IV" и для "Генриха V".

Инсценировка предшественника была скупой на факты и схематичной по построению. Явно, что Шекспир дополнил многое по Холиншеду. Но с обоими источниками Шекспир обращался вольно, подчиняя отдельные факты и характеристики своей, совершенно самостоятельной концепции пьесы. Ничто так наглядно не свидетельствует о творческой зрелости, достигнутой в это время Шекспиром, как свежесть и смелость, с какой он обработал материалы своих предшественников.

Особенно стремился Шекспир к рельефности фигур главных персонажей, сочетая их по признаку контраста. Для этого он не постеснялся отступить от хронологии. Возраст Генриха IV Шекспир значительно увеличил, представив его человеком на склоне лет, приближающимся к могиле, тогда как на самом деле в год битвы при Шрусбери ему было всего тридцать шесть лет. Хотспер был даже



старше короля, а Шекспир сделал его намного моложе, сравнив по годам с принцем Генрихом, и разница в характере и поведении их от этого стала особенно выразительной. А во второй части "Генриха IV", где уже нет Хотспера, Шекспир для сохранения контраста ввел фигуру другого сына короля, Джона Ланкастерского, которого ни Холиншед, ни другие историки не упоминают в связи с данными событиями. Шекспиру он понадобился, чтобы опять-таки оттенить беспутство принца Генриха по сравнению с чопорным и надменным другим королевским сыном. В летописях в связи с данными событиями женщины не упоминаются. Шекспир создал образы леди Мортимер и леди Перси. Наконец, из слегка намеченных эпизодов с собутыльниками принца Шекспир создал бесподобные фальстафовские сцены, принадлежащие к лучшим образцам его юмора.

Первая часть "Генриха IV" была напечатана в 1598 году без имени автора, переиздана в 1599 году с указанием на авторство Шекспира, печаталась дополнительно в 1604, 1608, 1613 годах и еще три раза после смерти Шекспира, попав также в фолио 1623 года. Вторая часть вышла в 1600 году и была повторена в фолио. В 1844 году был найден "манускрипт Деринга" - рукописный вариант, сделанный в начале XVII века, по-видимому, для какого-то домашнего спектакля. Эта рукопись, следовавшая печатным текстам, интересна как первая дошедшая до нас попытка монтажа двух частей хроники. Основой современного текста первой части является кварто 1598 года, как самое полное. Для второй части более надежным оказался текст фолио 1623 года. Он на 150 строк полнее кварто 1600 года. В недавнее время Л. Л. Шюкинг (1930) и А. Харт (1934) убедительно доказали, что сокращения в кварто в основном были сделаны по цензурным соображениям, так как в некоторых репликах могли быть усмотрены намеки на королеву Елизавету, так же как это было со сценой низложения Ричарда II (см. статью о "Ричарде II" в третьем томе настоящего издания).

Две пьесы о царствовании Генриха IV составляют срединную часть тетралогии, началом которой является "Ричард II", а концом - "Генрих V". Хотя все они связаны последовательностью исторических событий и общностью некоторых персонажей, пьесы о царствовании Генриха IV выделяются, образуя самостоятельное художественное целое, отличаясь по содержанию, духу и тону от хроник, обрамляющих тетралогия.

В "Ричарде II" преобладает трагическая тональность, в "Генрихе V" тональность эпико-героическая. И здесь и там с предельной ясностью проводится определенный политический тезис: в "Ричарде II" - критика "божественного права" королей, в "Генрихе V" - воинственный патриотизм. Определить "идею" "Генриха IV" в такой же тезисной форме едва ли возможно. Эта пьеса вообще меньше всего поддается определениям в духе традиционных рубрик.

Начать с того, что она уже по своему объему превосходит любую из пьес Шекспира. Если каждая из частей "Генриха VI" представляет собой законченное драматическое произведение, то этого нельзя сказать о двух частях "Генриха IV". Верно, что каждая из них требует отдельного спектакля, но тем не менее идейно и художественно они образуют единое целое. В этом сходятся большинство критиков, начиная с С. Джонсона вплоть до Дж. Довер Уилсона. Единство обеих частей прежде всего определяется тем, что их содержанием является судьба трех лиц - короля Генриха IV, принца Генриха и Фальстафа. В полном объеме облик каждого из них раскрывается лишь в ходе действия, охватывающего обе хроники.

Против этого можно возразить, сказав, что каждая из пьес имеет свою фабулу. Но фабула первой части не является вполне законченной. Развязка первой части не содержит драматургического решения всех узлов, завязанных началом пьесы. Здесь решается лишь та часть драматического конфликта, которая строится на противопоставлении принца Генриха и Хотспера, а это хотя и существенно в общем плане пьесы, но все же не больше, чем эпизод.

Драматургическая конструкция "Генриха IV" вообще характеризуется эпическим нанизыванием эпизодов. Американский шекспировед Феликс Шеллинг правильно определил "Генриха IV" как хронику эпического типа, в отличие от хроник-трагедий "Ричард III" и "Ричард II". Но это не было возвратом Шекспира к несколько рыхлой манере второй и третьей частей "Генриха VI". В "Генрихе IV" при полном отсутствии единства действия есть изумительно осуществленное "единство интереса". Он сосредоточивается на судьбах отдельных людей и на судьбах целой страны, картина жизни которой раскрывается с такой полнотой, что перед нами возникает зрелище истории, как она реально творится.

"Генрих IV" - грандиозная историческая драма, содержание которой столь обширно, что оно не уместилось в рамки одного спектакля, и Шекспир, никогда не считавшийся с формальными правилами, написал пьесу в десяти актах. Художественная задача, взятая им на себя, была тем труднее, что в сюжете не

было такого стержня, как, например, в "Ричарде III", и Шекспир нашел новые средства, чтобы держать внимание публики в напряжении. В других хрониках Шекспира драматизм определялся в первую очередь тем, что происходит. В "Генрихе IV" Шекспир покоряет изображением того, как совершаются события, как творится история. Справедливости ради скажем, что в предшествующих хрониках Шекспир уже стремился к этому, но в полной мере он решил данную художественную задачу впервые именно в "Генрихе IV".

Поэтому-то каждая часть "Генриха IV" интересна сама по себе. Но и отдельные эпизоды внутри каждой из частей тоже обладают качествами, придающими им самостоятельный интерес. Более того, некоторые из них обладают своей внутренней законченностью. Все сцены, связанные с ограблением купцов на большой дороге, нападением принца и Пойнса на грабителей, и, наконец, рассказ фальстафа об этом происшествии составляют законченную комедию фарсового типа, точно так же как эпизоды Хотспера составляют трагедию, вкрапленную в общую композицию "Генриха IV". Это не просто линии действия, а драматически завершенные, сюжеты. Они есть и во второй части. Фальстаф и миссис Куикли, король и принц Генрих – в одном случае фарс, в другом – драма взаимоотношений отца и сына – образуют такого рода законченные, самостоятельные драматические сюжеты. Самое изумительное в драматургической композиции "Генриха IV" – это, однако, то сложное единство, которое создается сплавом всех разнообразных элементов, входящих в драму. Из малозначительных баронских восстаний XV века Шекспир извлек материал для создания исторической драмы большого социального смысла. Может быть, именно то обстоятельство, что, взятые сами по себе, данные события не отличались большой красочностью, и позволило Шекспиру сосредоточить внимание на характерах, показать их в живой связи с историей.

Мы могли видеть по предшествующим хроникам, что главное внимание Шекспира было обращено на формирование централизованного национального государства. Подобно другим пьесам этого жанра, как в первой, так и во второй части "Генриха IV" драматический конфликт имеет в основе борьбу между королевской властью и феодалами. Но нигде раньше Шекспир не достигал такой широты изображения исторического процесса и такой глубины в раскрытии его движущих пружин, как в "Генрихе IV".

Конфликт между Генрихом IV и его феодалами раскрывается в такой живой конкретности, что это типичное противоречие эпохи обретает неповторимо индивидуальный облик. Участники конфликта предстают перед нами каждый с своеобразными чертами, и именно эта индивидуализация их таит глубочайший смысл, создавая в конечном счете ощущение поражающей жизненной полноты действия. Максимальная степень реализма достигается благодаря тому, что Шекспир не создает прямого соответствия между моральным обликом персонажа и той государственной, политической идеей, носителем которой он является. В этом смысле, с точки зрения композиционной, ясно выявляется, что цель драмы – утвердить принцип централизованной монархии. Но король Генрих IV, являющийся живым носителем этого государственного принципа, далеко не идеальный монарх. Более того, он несет в себе противоречие этому принципу, ибо сам достиг власти посредством свержения законного монарха. Это противоречие между личностью короля и принципом, который он отстаивает, делает для нас живой и исторически правдивой картину процесса, изображаемого Шекспиром. Сознал ли Шекспир это, или такое изображение явилось результатом, не предусмотренным автором, но в его изображении обнаруживаются двойственность и противоречивость абсолютистской государственности, утверждающей, с одной стороны, законность, а с другой – подчиняющей эту законность индивидуальной воле и, в конечном счете, произволу одного человека.

Сам король ощущает противоречивость своего положения. Его душу постоянно терзает сознание вины в убийстве Ричарда II. Он полон недоверия к окружающим феодалам, особенно к тем, кому обязан был своим возвышением. Неумолимая логика властолюбия побуждает его в первую очередь укротить именно своих наиболее энергичных пособников, ибо они представляют для короля главную опасность. Опасны в глазах правителя те, кто, не разделяя священного трепета толпы перед властью, знают, что приобретение ее – дело рук человеческих. А Нортемберленд, Перси и другие знают "технику" оттого дела, ибо сами приводили в действие колеса механизма, вознесшего Генриха IV на трон. Именно поэтому они, в свою очередь, полны притязаний и непокорства, так как им кажется, что, посадив Генриха на трон, они связали его вечным обязательством благодарности... Но логика классовой политики такова, что как раз обязанность быть благодарным в первую очередь и побуждает Генриха IV к неблагодарности.

Слишком поздно понимают бывшие соратники Генриха IV по бунту, что они ошиблись. В их руках, правда, остается прежнее оружие – бунт против короля,

которого они сами поставили у власти. Но самый их мятеж обнаруживает главную внутреннюю и, мы бы сказали, исторически predetermined слабую позицию. Нортемберленд, Вустер, Хотспер, восставая против Генриха IV, лихорадочно ищут союзников даже среди прежних врагов. Шекспир с гениальной прозорливостью раскрывает беспринципность политических оппозиций, имеющих в основе корыстные, властолюбивые стремления меньшинства. И вот в лагере противников короля оказываются законный претендент на власть – Мортимер, наследник Ричарда II, шотландец Дуглас, воевавший с Англией, предводитель мятежного Уэльса Глендаур, с которым только что воевали английские феодалы. Самое разительное то, что Хотспер, недавний победитель шотландца Дугласа, теперь вынужден объединиться с ним.

Семейство Перси, являющееся душой мятежа, вступает в союз со всеми внутренними и внешними врагами английской монархии. Логика борьбы делает их врагами своей же нации, тогда как Генрих IV при всей его личной моральной безупречности оказывается защитником национальных интересов.

Морально-политически он более прав, чем его противники, каковы бы ни были его личные недостатки и пороки.

Лагерь мятежников как в первой, так и во второй части изображен Шекспиром с поразительным многообразием. Все они – носители принципа феодального сепаратизма. Каждый из них движим эгоистическими соображениями, но сколь различны они между собой! Вот Нортемберленд, старый прожженный политик, хладнокровный в своих расчетах, а рядом – его брат Вустер, беспокойный, подозрительный и беспощадный интриган. За ними наследственный опыт бесчисленных феодальных склок, мятежей, придворных интриг. Они, так сказать, носители "цивилизованного" интриганства. С ними заодно феодалы иной, исторически более низкой и примитивной ступени – шотландец Дуглас и уэльский бунтарь Глендаур. В Дугласе мы видим сочетание храбрости, горца с хитростью политика, привыкшего к сложным отношениям вечно враждовавших кланов. Поэтому он выбирает, когда пускаться в ход воинственный задор и когда – выждать. Наконец, Глендаур – феодал самого примитивного варварского склада. Воинственный и хвастливый, он то ли в самом деле верит в колдовство, то ли устрашает врагов и друзей своим знанием магии и умением заставить служить себе таинственные силы стихий природы, во всяком случае, он одновременно храбрец и шарлатан.

Удивительное историческое чутье побудило Шекспира очень ярко изобразить то, что противниками короля и самого принципа абсолютной монархии были носители отсталых понятий и представлений. Личное честолюбие, надменность, хвастовство, коварство – все это как нельзя точнее характеризует феодальных мятежников. Но есть среди них один, выделяющийся своими качествами, хотя и близкий им по многим чертам, – это Хотспер.

Он – само воплощение феодальной воинственности. Честь – его кумир. Но понимает он ее как типичный феодал. Она в том для него, чтобы утверждать свое превосходство силой. Хотспер – своеобразный поэт кулачного права, в этом отношении бесстрашный и по-своему безупречный. У него нет холодной расчетливости его отца, Нортемберленда, нет ни придворного интриганства, ни варварского коварства. Он прям, горяч и откровенен. Хотя и он сражается за весьма реальные интересы и феодальные права, в известном смысле его можно назвать самым бескорыстным и убежденным борцом за принципы феодального рыцарства. Он последний представитель рыцарственного героизма среди других феодалов, которые уже борются не только мечом, но и оружием политической хитрости. Их политиканству он противопоставляет рыцарскую мужественность, бесстрашие, готовность сражаться в самых неблагоприятных условиях. И есть нечто обаятельное в его горячем безрассудстве, когда, покинутый своими союзниками, он вступает в неравный бой, в котором и гибнет смертью героя. И тогда его победитель, принц Генрих, тот самый, который справедливо пародировал феодальную воинственность Хотспера (часть первая, II, 2), столь же искренне восхищается чистой мужественностью, бессмысленно растроченной воинственностью Перси (V, 4)

Итак, два лагеря противостоят друг другу на авансцене истории: лагерь короля и лагерь мятежных баронов. Как богато и многообразно показан конфликт между ними через раскрытие живых образов людей, составляющих обе партии! Общий антагонизм между ними дополняется бесчисленными мелкими антагонизмами внутри каждого лагеря. Мы уже очертили разнообразие облика и нравственного склада мятежников. В королевском лагере главный антагонизм – между Генрихом IV и его сыном, принцем Генрихом. В том, что принц чуждается двора, явняется со всяким сбродом, Генрих IV видит не только своего рода кару свыше за свершенное им злодеяние, но и постоянный живой упрек себе. В отчуждении сына ему чудится осуждение принцем своего отца. Так воспринимает свои отношения с сыном король.

Для принца во всем этом иной смысл. Он живет в атмосфере, где интересы власти непрестанно душат человечность. Власть требует от своих носителей

непреклонности, жестокости. Давая человеку в руки огромное могущество, она в то же время лишает его элементарных человеческих удовольствий – веселья, дружбы, возможности по желанию распоряжаться собой. Принц видит, что его отец, в сущности, не принадлежит себе. А молодому Генриху хочется быть самим собой, не втискивать свое тело и душу в корсет придворных условностей и обязанностей, связанных с королевским званием. По контрасту он выбирает себе общество людей, совершенно отвергнувших какие бы то ни было нравственные принципы и обязательства в жизни. С ними ему по крайней мере легко и весело, здесь, в таверне, он чувствует себя непринужденно, имея возможность в любой миг сказать и грубую правду в лицо своим собутыльникам.

Если он бежал от двора и нашел прибежище в таверне, то это еще не значит, что он признал своим этот низменный мир. С самого начала мы слышим речь принца (1, 2), ясно свидетельствующую о том, что душой он не принадлежит и этому миру. Принц ищет такой принцип нравственности, который позволил бы сочетать полную духовную и практическую свободу с требованиями человечности. Он жаждет естественности. Поэтому начинает он с того, что опускается в среду, где царят простые, первобытные, физические инстинкты. Это лучше, чем подчинение искусственному ритуалу власти, стесняющему человечность, и лучше подчинения ложному принципу чести, заставляющему Хотспера утверждать свое достоинство бесконечными убийствами. Но ошибаются фальстаф и его другие собутыльники, думая, будто принц безраздельно с ними. На самом деле они для него – только проявления природы в ее низшем естестве, и ему доставляет удовольствие потешаться над ними, особенно над фальстафом, которого он одновременно любит и презирает. Любит за жизнерадостность и непосредственность, за веселый нрав и шутливость, презирает за то, что, свободный от морали, фальстаф – раб своей плоти. Яснее всего нравственная проблема, над решением которой бьется принц, раскрывается в троекратно повторенном мотиве отношения к чести. Для Хотспера честь – фетиш, принцип, которому он слепо подчиняет всю свою жизнедеятельность (монолог Хотспера о чести, I, 3). Для фальстафа понятие чести – пустой звук (V, 1). Ригористическое следование принципу чести приобретает у Хотспера несколько аскетический оттенок. У фальстафа, наоборот, отрицание чести доходит, до потворства самым низменным животным инстинктам.

Принц Генрих хочет сохранить верность "природе", но в нем живет и сознание своего личного и общественного долга: личного – перед отцом и общественного – перед государством. Когда наступает критический момент отцу грозит потерять корону, может быть, даже жизнь, а государству угрожает анархия, – принц бросает забавы, проникается сознанием своего долга и борется за честь семьи, государства, но – и это Шекспиром подчеркнута – не за личную честь. Одержав победу над самым страшным и сильным противником, Хотспером, он даже не протестует, когда фальстаф пытается приписать эту заслугу себе. Принцу Генриху не важно, узнают ли другие о его подвиге, для него существеннее сознание выполненного долга.

Но все это – поиски принцем своего морального кодекса как частного лица. В первой части хроники мы видим его на той стадии личного развития, когда он решает вопрос о своих жизненных нормах как индивид, один из многих в обществе и государстве. Принц Генрих отстаивает свое право жить так, как он хочет. В этом отношении он типичный человек начинающего утверждаться буржуазного миропорядка. Здесь принц выступает как носитель партикуляризма, сочетающего свободный выбор образа жизни с признанием элементарных обязанностей по отношению к государству, в котором он живет и которое должно обеспечить ему право на эту свободу.

Во второй части хроники положение принца становится иным. Здесь всячески подчеркивается близкая перспектива возведения его в королевский сан. Принц Генрих и сам все более осознает, что он не простое частное лицо, а наследник престола. В нем живет внутреннее сопротивление этому. Нагляднее всего это проявляется в оскорблении верховного судьи.

Если в первой части узловой нравственной проблемой была честь, то во второй – закон. Отношение индивида к закону раскрывается через образ фальстафа прежде всего. Фальстаф презирает закон. Он любыми средствами будет пытаться обойти его, как он это делает, когда его привлекают к ответственности за неуплату долгов. Но, с другой стороны, фальстаф не прочь и воспользоваться законом, если открывается такая возможность. Одним словом, он смотрит на закон с точки зрения личной выгоды. Он возлагает большие надежды на то, что сможет хорошо погреть руки, когда его приятель принц Генрих станет королем. Известие о возведении принца на престол разжигает самые безудержные мечты толстого рыцаря, когда, держа в руках бразды закона, он сможет творить любые беззакония. На предупреждения принца по этому поводу фальстаф не обращает внимания, а между тем Генрих с самого начала очень иронически

отвечал на рассуждения Фальстафа о том, что они смогут сделать, когда Гарри станет королем.

Впрочем, и сам принц до поры до времени относится к закону и его представителям враждебно. Однако, в отличие от Фальстафа, принц никогда не смотрел на законность с точки зрения своей выгоды. Он соотносил ее только со своим стремлением к личной свободе. Именно утверждая свою независимость, он и дал затрещину верховному судье, за что тот посадил его в тюрьму. И вот умирает Генрих IV. Глядя на его корону, принц размышляет о "золотом бремени", каким она является для ее обладателя. Но он готов принять его на себя, и теперь принц Генрих отлично сознает, что, став королем, он должен отречься от прежней свободы. Отныне у него будут только обязанности. Напрасно опасается умирающий Генрих VI, будто воцарение его сына приведет к разгулу беззакония. Принц будет еще вернее следовать закону, чем его отец. Два эпизода завершают формирование личности Генриха V. Первый – встреча с верховным судьей. Теперь он может отплатить ему за то, что тот посадил его в тюрьму. Но принц признает правоту судьи. Тот действовал по закону, и его не остановило даже то, что нарушителем закона был сам наследный принц. То обстоятельство, что законность в государстве он ставит выше личностей, распространяя ее даже на особу короля и его наследника, делает верховного судью идеальным представителем законности. Новый король с уважением склоняется перед ним, прощая ему личную обиду.

Второе испытание принца, ставшего королем, – встреча с Фальстафом. Толстый рыцарь спешит на коронацию, как если бы короновали его самого. Во всяком случае, он убежден, что теперь начнется его царство. А Генрих V делает вид, что даже не узнал его. Для него теперь Фальстаф – это дурной сон его молодости. Старика он призывает остепениться и поручает надзор за ним верховному судье. Закон победил беззаконие, но, хотя нравственный принцип торжествует, мы ощущаем некое неразрешимое противоречие в чувствах. Конечно, с точки зрения высокой нравственности поведение новоиспеченного короля правильно. Но вместе с тем мы видим, что милый, обаятельный в своей безыскусственности принц преобразился, очерствел. Он утрачивает что-то от своей человечности. И, хотя Шекспир с логической последовательностью обрисовал нам путь принца Генриха, хотя с точки зрения морали такой конец является обоснованным, на самом деле проблема, поднятая самим Шекспиром, не получила и не могла получить действительного решения.

Со свойственной ему способностью резко обнажать противоречия действительности Шекспир остро поставил проблему "естественной" человечности и ее отношения к существующей государственности. Примирить их было нельзя, ибо природа того государства, которое Шекспиру хотелось увидеть как идеал, была такова, что она неизбежно вступала в противоречие с человечностью. В пределах личной жизни Шекспиру еще видится возможность некоего среднего пути, компромисса. В государстве этот компромисс оказывается невозможным. В "Генрихе V" Шекспир вернется к этой теме и даст ей то же самое решение. И неизбежность этого была не только в природе тогдашнего государства, но и в социальной природе человеческой личности, как она формировалась вместе с ростом буржуазных общественных отношений. Всякого рода индивидуализм – все равно, будь то хищнический, эгоистический, принципиальный или бездумный, жестокий или идеальный – оказывался в неразрешимом противоречии с принципом идеальной государственности, иллюзию которой питали гуманисты.

Рассматривая обе хроники "Генрих IV" под этим углом зрения, мы можем сказать, что Шекспир нарисовал не только картину конфликтов феодального общества. В том своеобразном сочетании прошлого с современным, которое присуще всей драматургии Шекспира, феодальное своеволие баронов ничем, в сущности, не отличается от буржуазного индивидуализма. В этом смысле "Генрих IV" не только историческая драма, но и произведение глубоко современное для людей шекспировской эпохи. В конечном счете здесь та же проблематика, что и в великих трагедиях Шекспира, отразивших коренные противоречия эпохи Возрождения.

В "Генрихе IV" Шекспир, однако, еще старается удержаться на позициях гуманистического оптимизма. Вот почему для него все конфликты, изображенные в пьесе, являются все же отходящей в прошлое историей. Процесс ее развития, как думается Шекспиру, дает основания для веры в торжество лучших начал. Но, как мы показали, сам реализм Шекспира подтачивает этот оптимистический вывод, формально утвержденный в финале пьесы, но художественно опровергаемый обеднением личности того, кто искал этот идеал, – принца Генриха.

Широкое полотно исторической жизни, созданное Шекспиром, не представляет собой, таким образом, просто хроники событий и яркой обрисовки индивидуальных судеб. Все проникнуто у Шекспира глубокой идейностью. Нити ее тянутся, сплетаясь и перекрещиваясь, через все многообразное действие

пьесы, и мы здесь наметили лишь основные мотивы, далеко не исчерпав всего богатства проблематики обширной шекспировской драмы.

Однако, как ни увлекательно следовать за мыслью художника, его идейными поисками, отраженными в конфигурации персонажей, в их характеристиках, сила этой драмы прежде всего и больше всего в ее мощном реализме, в богатстве жизни и движения, в динамике конфликтов, резких контрастах, бурных столкновениях людей и классов.

Шекспир соединил в одном потоке и трагедию гибнущего феодального рыцарства, и драму несправедливой власти, и духовные искания героя (им мы считаем принца Генриха), и неподражаемую комедию нравов лондонского дна, историю и быт. Большие исторические события уже самим своим драматизмом всегда в чем-то театральны. Эта театральность истории была почувствована уже молодым Шекспиром, когда он еще только начинал свой драматургический путь. Чем глубже проникала мысль великого художника в существо исторического процесса, тем яснее становилось для него, что за величественным фасадом истории кроется многое, чего нельзя упускать из виду. В "Генрихе IV" Шекспир полностью отказался от какой бы то ни было парадности в изображении истории. Театральная эффектность, на которую явно рассчитывают такие люди, как Хотспер, снимается иронией других, а сам исторический процесс в целом предстает в своей реалистической наготе благодаря обнаружению не идеальных, а действительных и вполне практических стремлений борющихся друг с другом людей.

Шекспир показал не только то, что творилось на авансцене истории, но и то, что происходило на ее задворках. Фальстафовские сцены, справедливо считающиеся главным украшением пьесы, являются самым ярким выражением шекспировского реализма. Недаром они затеняют все остальное, особенно во второй части, где читатель или зритель только и ждет, когда на сцене снова появится фальстаф.

В "Генрихе IV" критика давно увидела смелейший пример сочетания возвышенного и комического. Надо при этом заметить: то, что формально следует считать возвышенным (рыцарские и придворные сцены), Шекспиром снижено до уровня, когда маски внешнего благородства падают с представителей знати, а комические сцены, изображающие "низменную среду", подняты на такую идейную и художественную высоту, что иные из "высоких комедий" кажутся мелкими и низменными по сравнению с огромным человеческим содержанием, вложенным Шекспиром в самый, казалось бы, грубый фарс - "фальстафиаду". Здесь с наибольшей силой выразил Шекспир дух Ренессанса, отразил противоречия старого и нового в своей эпохе, пока еще в том же оптимистическом духе, которым проникнута и "серьезная" часть хроники. Но это уже не составляет нашей темы, и мы отсылаем читателя к статье А. Смирнова о "Виндзорских насмешницах" и образе фальстафа. А. Аникст ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ "ГЕНРИХА IV" Часть вторая действующие лица. Шеллоу, Сайленс, деревенские судьи. - В Англии того времени такие судьи, избравшиеся из числа местных помещиков, были довольно значительными административными лицами, в обязанности которых входило наблюдение за общественным спокойствием и за исполнением королевских приказов. Уоркуорт - город и замок того же имени, находящиеся в графстве Нортемберленд. Молва - образ из моралите (в средневековом аллегорическом театре), нередко выводившийся на сцену во времена Шекспира. ...и шпора Перси юного остыла. - Намек на прозвище Перси - Хотспер (Горячая Шпора). И этот пастырь узами двойными теперь связал приверженцев своих. Мортон говорит о двойной власти архиепископа Йоркского: духовной и светской. Он кровью Ричарда кропит повстанцев, соскобленную с помфретских камней... - Помфрет - замок, где был заточен и убит Ричард II. Ах ты, поганый корешок мандрагоры! - Существовало мнение, что корень мандрагоры (растение, встречающееся в Греции и на Гималайских горах) имеет сходство с фигурой человека. ...человек ростом с агат на перстне. - На агатах, вставлявшихся в перстни, нередко вырезывались человеческие фигурки. Ахитофель - имя одного из бесов. ...у него на лбу - рог изобилия. - Рогом изобилия фальстаф называет в шутку "рога" обманутого мужа. Смитфилд - центральный скотный двор в Лондоне; недобросовестность смитфилдских барышников вошла в пословицу. Фальстаф намекает на пословицу: "Не выбирай жену в Уэстминстере, слугу в соборе святого Павла и лошадь в Смитфилде, не то получишь шлюху, мошенника и клячу". Гален - знаменитый греческий врач II в. н. э., труды которого очень ценились в эпоху Возрождения. ...дурной ангел легковесен... - Игра слов: "злой ангел", по суеверным христианским представлениям, всегда следящий за человеком и толкающий его на все дурное, и "дурной ангел" - монета дурной чеканки, то есть неполновесная. ...пусть мне никогда больше не плевать белой слюной! - Считалось, что у пьяниц слюна отличается особенной белизной. Грот - старинная монета стоимостью в четыре пенса. Немецкая охота - так называлась охота на кабанов. ...все твои голландские запасы - запасы голландского

полотна, из которого изготовлялось белье. Он... окликнул меня, милорд, через красную оконную решетку. Отличительным признаком таверн были красные решетки на окнах. ...поэтому я и называю его сном Алфеи. – Алфея (миф.) – жена этолийского царя Энея. Здесь смешаны два античных предания: об Алфее, которая, разгневавшись на своего сына Мелеагра, бросила в огонь головню, от сохранения которой зависела его жизнь, и о троянской царице Гекубе, которой перед рождением Париса (погубившего Троя) приснилось, что она родила пылающую головню. Иафет. – Согласно Библии, у Ноя, спасшегося от потопа вместе с семьей, было три сына – Сим, Хам и Иафет, которые стали родоначальниками человечества. С эфесцами, милорд, людьми старого закала. – Поскольку жители древнегреческого города Эфеса слыли любителями всякой роскоши и увеселений, во времена Шекспира эфесцами в шутку называли гуляк. Ирина – героиня утраченной трагедии современника Шекспира Пиля "Турецкий Магомет и прекрасная гречанка Ирина". Вот шутка, нечего сказать! и т. д. – пародийно измененная цитата из трагедии современника Шекспира Марло "Подвиги великого Тамерлана". ...держат с каннибалами равняться... – С каннибалами – вместо "с ганнибалами". ...и царь их Цербер... – Цербер был не царем, а псом, охранявшим вход в подземное царство Плутона. Ешь и толстей, моя Калиполида – пародийно измененная цитата из другой трагедии Пиля – "Битва при Алькасаре". Иль мы не любовались с тобою вместе Большой Медведицей? – то есть не проводили ночи вместе в кутежах. Знаем мы этих галлоуэйских кляч. – Галлоуэй – область на юго-западе Шотландии, где разводятся пони. Атропос – имя одной из трех Парок. ...в десять раз лучше всех девяти героев. – На маскарадах и в живых картинах того времени нередко изображалась "процессия девяти героев" или "девяти мужей славы", состоявшая из следующих фигур: три иудея – Иисус Навин, Давид, Иуда Маккавей; три язычника – Александр Македонский, Гектор, Юлий Цезарь; три христианина – король Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский. Мертвая голова – одна из вздорных выдумок тогдашней магии: искусственная человеческая голова, которая должна была верно отвечать на все вопросы и предсказывать будущее. ...ест морских угрей с укропом. – Морские угри с укропом – любимая закуска тогдашних пьяниц. Сатурн нынче в соединении с Венерой. Что говорит на этот счет календарь? – Помимо мифологического смысла (встреча старика Фальстафа с жрицей любви Долль) это выражение содержит астрологический смысл: схождение в небе двух светил (в данном случае – планет Сатурна и Венеры), как могущее оказать определенное влияние на судьбы человеческие, отмечалось в тогдашних календарях. Посмотрите, как этот огненный Тригон... шепчется со старой счетной книгой своего хозяина... – Тригон (буквально – треугольник) – старинное название одной из частей Зодиака. Огненным Тригоном здесь назван Бардольф за багровый цвет его лица. Счетная книга Фальстафа – миссис Куикли, которая все время записывает его долги. Джон Дойт, Джордж Барнс, Франсис Пикбон, Уилл Скуил – все эти имена, а также упоминаемые дальше Стокфиш, Шуркард, Дебл и Найтуэрк – смысловые: Дойт значит – грошик, Пикбон – блюдолиз, Скуил – пискун, Стокфиш – вяленая треска; Шуркард – играющий в карты наверняка (то есть шулер), Дебл двуличный, Найтуэрк – ночная работа. Томас Маубрей – покойный отец выведенного в этой пьесе лорда Маубрея. Псалмопевец – царь Давид, о котором рассказывается в Библии, что он слагал и пел псалмы. Джон Гант – герцог Ланкастерский, покойный отец Болингброка, ставшего королем Генрихом IV. У нас уже немало теней в списках – то есть "мертвых душ" (фиктивно числящихся). Целая армия – паразиты, кишачие в лохмотьях. Я вызвал на два человека больше, чем вам требовалось... – Небрежность Шекспира или ошибка в счете со стороны Шеллоу. На самом деле только одним больше, так как на сцену перед этим было выведено пять рекрутов, а не шесть. Добрейший господин капрал-капита н... – Плесень от волнения смешивает два разных чина. Артуровы игры (названные так по имени легендарного короля Британии Артура, при дворе которого жили будто бы особенно доблестные и искусные в военном деле рыцари) – состязания в стрельбе из лука, устраивавшиеся в Майленд-Грине (поляна близ Лондона), причем их участники принимали имена персонажей "артуровских" романов. Сэр Дагонет – имя шута легендарного короля Артура. ...хвастал передо мной... своими подвигами на Торнбульской улице. – На Торнбульской улице в Лондоне находилось множество притонов. ...женщины звали его мандрагорой. – Плоды мандрагоры считались возбуждающим средством. Тильт-Ярд – поле для турниров в Уэстминстере. ...сказал Джону Ганту, что он отколотил свое собственное прозвище. Имя Гант (герцогский титул, происходящий от названия города Гента во Фландрии) созвучно английскому слову "gaunt" – тощий, исхудалый. ...и будь я не я, если не сделаю себе из него два философских камня. Алхимики пытались изготовить два состава, которые они называли двумя видами "философского камня": один из них должен был обладать способностью обращать все металлы в золото, другой – исцелять от всех болезней. ...из-за расправы, постигшей моего родного брата. – Брат

Шекспир У. Генрих IV (Часть 2) filosofff.org

архиепископа Йоркского, лорд Скруп, граф Уилтшир, был казнен Генрихом IV (см. первую часть этой трагедии, акт I, сцена 3). Граф Херифорд – титул Болингброка, будущего короля Генриха IV. "Пришел, увидел, победил" – слова Юлия Цезаря, Двери сна – глаза. Надевает корону. – Согласно старинному английскому обычаю, когда король был при смерти, рядом с ним клали его корону, которую после смерти короля тут же надевал на себя его наследник. ...другое, низшей пробы, драгоценной, затем что исцеляет от недугов. В состав некоторых лекарств того времени входило золото, которое было более низкой пробы, чем золото королевской короны. Не Амурат – преемник Амурата... – Намек на события, происходившие при турецком дворе незадолго до написания этой пьесы. В 1574 г. султан Амурат, взойдя на престол, умертвил всех своих братьев как возможных соперников. После его смерти, в 1596 году, его сын, также называвшийся Амуратом, сделал, взойдя на престол, то же самое, Саминго – искажение имени Сан-оминго, то есть святого Доминика, считавшегося покровителем пьяниц. Пуф из Барсона – великан из города Барсона (иначе Барстона); его показывали за деньги на ярмарках. Плевать мне на весь свет... – Здесь и дальше в речах Пистолья – пародия на напыщенный стиль некоторых английских трагедии того времени. Фальстаф отвечает в тон Пистолью. Король Кофетиа – персонаж популярной народной баллады, неоднократно упоминаемый Шекспиром. Робин Гуд, Джон, Скарлет – персонажи старинных английских баллад. Геликон – горная цепь в Греции, считавшаяся обиталищем бога искусств Аполлона. Гвоздь дверной – большой гвоздь во входной двери, в который ударяли подвешенным около него молотком, что заменяло современный звонок. Пусть коршуны ему терзают печень! – Намек на миф о Прометее, которого Зевс (Юпитер) приковал к скале, велел коршуну каждую ночь выклевать ему печень, за день вырастающую снова. ...тогда у тебя будет опять дюжина подушек; а сейчас их у тебя только одиннадцать – Полицейский хочет сказать, что хозяйка дала одну из своих подушек Долль, которая привязала ее к животу, симулируя беременность. Смысл этой хитрости в том, что беременных женщин избавляли от суровых наказаний. Ах ты, синяя навозная муха! – Полицейские носили синие куртки. Неужто правда одолеет силу" – Одна из обмолвок хозяйки, которая хочет сказать: "неужто сила одолеет правду?" Алекто – имя одной из фурий; согласно преданию, голова ее была увита змеями. Идем, лейтенант Пистоль. – Пистоль – лишь прапорщик, но Фальстаф, рассчитывая на свое влияние при дворе, мысленно производит его уже в лейтенанты. Флит – название тюрьмы в Лондоне. ...развеселит вас, показав прекрасную Екатерину французскую. – В пьесе Шекспира "Генрих V", написанной через год или два после окончания "Генриха IV", изображаются победы Генриха V во Франции, а затем его брак с французской принцессой Екатериной. ...как известно Олдкассл умер смертью мученика, но это совсем другое лицо. – См. послесловие к "Виндзорским насмешницам".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!